

ИД КД 1090770

Русский Север

А. В. Ополовников

Северная
деревня

Щит
Родины

Колокольные
звоны

Памятники зодчества

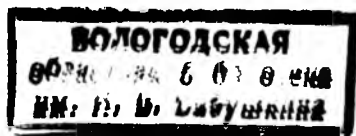

Памятники зодчества

А. В. Ополовников

Русский Север

7090770

Москва
Стройиздат
1977

Печатается по решению секции литературы по градостроительству и архитектуре Редакционного совета Стройиздата.

Ополовников А. В. Русский Север. М., Стройиздат, 1977. 255 с.

Эта книга о древнерусском деревянном зодчестве. В ней рассказывается о старинных деревянных сооружениях, сохранившихся в основном на севере СССР, об их архитектурной композиции и формах, о мудрой простоте и практической оправданности деталей, органическом единстве художественного и конструктивного начал архитектуры.

Избы, амбары, ветряные мельницы, бани и другие постройки старой русской деревни описывает автор в увлекательной живой форме.

Рассказывается здесь и о древних церквях, часовнях, колокольнях, сохранившихся до наших дней лучше, чем другие старинные постройки, а также и о единично уцелевших оборонных сооружениях.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

Ил. 153.

Край северный, лесной

Когда-то почти вся Русь была деревянной. Испокоин веков русский человек селился в лесистых местах, по берегам озер и рек. Лесные чащи давали ему приют, кров, пищу. Из дерева крестьянин рубил себе избы, строил города, обносил их мощными стенами и оборонительными башнями, возводил церкви и соборы, мастерил почти все, что было ему необходимо, — от сохи до ложки.

Еще в давние времена, до принятия христианства, славянские племена строили из дерева островерхие языческие храмы, сторожевые башни городищ, просторные жилища. Первые православные храмы на Руси тоже были преимущественно деревянными: в летописи, например, говорится про деревянный тринадцатикупольный Софийский собор в Новгороде, сооруженный в X веке. А в XVII веке в Коломенском, под Москвой, для царя Алексея Михайловича построили грандиозные деревянные хоромы, которые называли «восьмым чудом света»...

Что же такое деревянное зодчество как явление историческое и социальное, как особая часть и определенный этап развития всей русской национальной архитектуры, художественной и материальной культуры нашего народа?

Прежде всего русское деревянное зодчество — народное зодчество, созданное трудом и гением крестьян и посадского люда; живое, многогранное и талантливое воплощение в формах архитектуры эстетических идеалов народных масс, духовных и материальных потребностей самых широких слоев феодального общества. Зодчество, демократическое по социальной природе, глубоко национальное и по содержанию и по форме, истинно реалистическое по творческому методу.

Деревянное зодчество — одно из наиболее значительных и выдающихся проявлений художественной и строительной культуры русского народа; культуры древней, уходящей корнями в глубокие недра истории,

созданной на протяжении целого ряда столетий упорным трудом и творческими поисками многих поколений наших далеких предков; культуры яркой, большой, национальной, незамутненной посторонними влияниями, воплотившей в себе духовное величие создавшего ее народа; наконец, культуры общечеловеческой по своему значению, одарившей историю мировой архитектуры памятниками непреходящей художественной ценности.

От Белого до Черного моря, от Карпат до Урала воздвигались деревянные соборы и дворцы, хоромы, монастыри, крепости, избы и амбары, мельницы и мосты. Многие из них, по свидетельствам древних летописцев и путешественников, отличались необычайной красотой и высоким художественным совершенством. От одной деревни к другой, от города к городу шли артели русских плотников с топорами за поясом. Они создавали чудесные и удивительные памятники архитектурного и строительного искусства.

Имена их неизвестны. Ведь все это строили не бояре и военоды, не заезжие прославленные архитекторы-мастера, а простые русские мужики. Строил народ — тот, который всегда жил на своей земле, пахал и оборонял ее, орошая своим потом и кровью, слагал о ней песни, украшал «великими» и «чудными» строениями. Демократическая, народная струя полноводным потоком вливалась в древнерусскую архитектуру как гражданскую, светскую, так и культовую. «...Древние церкви, — писал Максим Горький, — говорят нам о талантливости нашего народа, выраженной в церковном зодчестве»¹.

Русская деревянная архитектура — это неотъемлемая составная часть всей отечественной художественной культуры. Как и каменная архитектура, она подчинялась основным историческим закономерностям, чутко реагировала на все крупные и значительные сдвиги в экономической, политической и идейно-эстетической жизни

¹ Горький А. М. Собр. соч., т. 27, с. 298.

общества и государства. Для всего русского зодчества она являлась как бы гигантской творческой лабораторией, в которой народ создавал и испытывал новые архитектурные формы и приемы. Между деревянной и каменной архитектурой существовали всегда теснейшие взаимосвязи и взаимовлияния. «Сама история московского зодчества, — писал один из крупнейших русских художников и искусствоведов академик И. Грабарь, — есть в значительной степени история перенесения деревянных форм на каменные сооружения»¹. С другой стороны, история деревянной архитектуры есть также, в известной мере, история заимствования и творческой переработки форм каменного зодчества.

Истоки русского народного деревянного зодчества восходят к древней художественной и архитектурно-строительной культуре Киевской Руси, Великого Новгорода, Владимирско-Суздальского княжества. По расцвету его, кристаллизация в классически совершенных формах шатрового зодчества находится в теснейшей зависимости от становления Московской Руси в XV—XVII веках — сложного, противоречивого, но неуклонно прогрессивного исторического процесса консолидации русской нации, формирования и укрепления русского национального централизованного государства.

В жестокой, упорной, справедливой борьбе с феодальной междоусобицей, раздиравшей русские земли, с воинственными соседями создавалась могущественная российская держава, росло и крепло национальное самосознание народа, уверенно выходящего на арену мировой истории. От дружинников Дмитрия Донского до ополченцев Минина и Пожарского, от сподвижников Ермака до ратников Петра I многие поколения скрепляли своей кровью фундамент русского государства. Вне зависимости от побуждений великих князей, царей, бояр объединение под эгидой Москвы всех русских земель и создание суверенного

¹ Грабарь И. Э. История русского искусства, т. 1, с. 331.

СЕЛО ВАРЗУГА,
(МУРМАНСКАЯ ОБЛ.)

сильного государства отвечало заветным чаяниям народа, его общенациональным интересам и прогрессивным тенденциям развития древней Руси.

В ознаменование побед поэты и летописцы слагали песни и исторические хроники, талантливые зодчие возводили величественные храмы, художники украшали их замечательными фресками и иконами. Так, например, в честь Куликовской битвы 1380 года были построены церковь Рождества Богородицы в Московском Кремле, Успенские соборы в Звенигороде и Коломне, в память взятия Иваном Грозным Казани — последнего оплота когда-то могущественного завоевателя Руси — собор Василия Блаженного на Красной площади в Москве. На протяжении нескольких десятилетий конца XV — начала XVI веков отстраивался Московский Кремль с его мощными стенами и башнями, Грановитой палатой, замечательными соборами — Успенским, Благовещенским, Архангельским, с колоссальной колокольней — столпом Ивана Великого, самой высокой постройкой древней столицы. Москва — третий Рим, — с гордостью говорили современники, — а четвертому не стоять.

Художественно-эстетические идеалы эпохи падали свое яркое и завершенное воплощение во многих выдающихся памятниках древнерусского искусства. Это кремлевские соборы и монументальный рельеф Георгия Победоносца над Фроловскими воротами Кремля, изваянный Василием Ермолиным, живопись Андрея Рублева и Дионисия, церковь Вознесения в Коломенском и деревянные шатровые храмы. При всем различии, обусловленном специфической природой того или иного вида искусства, это явления одного порядка. Лучшие русские художники и зодчие сумели выразить в своем творчестве мысли, чувства и надежды полного сил и дерзания народа, его горделивое самоутверждение как независимой нации, его душевную чистоту и возвышенную мечту о совершенной гармонии

ДЕРЕВНЯ УМБА,
(МУРМАНСКАЯ ОБЛ.)

человека, о жизни в согласии и мире, по законам добра и красоты.

Эти высокие патриотические идеалы, гуманистический пафос, являющийся примечательной чертой передовой русской культуры, ставит памятники народного зодчества в число шедевров национального искусства. Их высокое художественное совершенство стало возможно благодаря богатейшему архитектурно-строительному опыту народа, накопленному на протяжении многих веков и нашедшему свое проявление в замечательных созданиях русского деревянного и каменного зодчества XV — начала XVII веков — эпохи Ивана III, Ивана Грозного, Бориса Годунова, когда Москва становится одним из самых прекрасных городов Европы. В специфических формах архитектуры как вида искусства и как одной из форм общественного сознания, строители деревянных храмов, соборов, крепостей отразили крепнущее национальное самосознание, исторический процесс становления и консолидации единой Российской державы с центром в Москве — наследницы и преемницы Киева, Новгорода, Владимира...

В том, что деревянное зодчество и, в частности, культовая архитектура служили выражением народного мировоззрения, убеждают нас многочисленные примеры ожесточенных гонений официальной церкви на такие важнейшие элементы деревянных храмов, как шатер или трапезная. В шатровом покрытии, ставшем в XVII—XVIII веках главенствующей формой народного зодчества, официальное православие не без основания видело эстетическое выражение народных идеалов силы и красоты человека и созданий рук его, символ свободы и независимости; как и в возращании удельного веса трапезных в общей композиции храмов — «обмирщение» церковной архитектуры, не только игнорирующей, но и порой вступающей в противоречие с интересами и требованиями религиозного культа.

ДЕРЕВНЯ СУЙСААРЬ,
(КАРЕЛЬСКАЯ АССР)

ДЕРЕВНЯ УМБА
(МУРМАНСКАЯ ОБЛ.)

Этот процесс всевозрастающих расхождений между господствующей церковной идеологией и народным демократическим направлением в русской культуре XVII века сказался и в формировании новых эстетических идеалов. Они выявляются и в искусстве эпохи Симона Ушакова, точнее, в явной тенденции мастеров его круга перейти от традиционной иконописи к приемам светской живописи; и в зодчестве, эволюционирующем от аскетической строгости древних храмов к жизнерадостности архитектурных образов, яркой нарядности и узорочью, присущим народному искусству и проникающим как в каменное, так и в деревянное зодчество.

Народная деревянная архитектура Московской Руси — явление не местное, не регионально-областное, а элемент общенациональной русской художественной культуры. Именно в XV—XVII веке происходит процесс ликвидации областных школ, стирания различий, слияния их в едином русле национальной культуры. Эстетические и конструктивно-архитектурные принципы, образный строй народного деревянного зодчества распространяются в самые отдаленные уголки громадного Московского государства. Очень близкие и похожие деревянные храмы и избы можно встретить в непосредственной близости от Москвы — в Мелихове, Васильеве, Семеновском и на Вологодщине, на Кольском полуострове — в Варзуге Мурманской области, на Урале, в Тульской, Владимирской, Костромской областях, в Карелии, на Волге, на Северной Двине, под Новгородом и в далекой Сибири. При всем различии в отдельных деталях и технических приемах всех их объединяет органическое, кровное родство, причастность к тому большому и значительному явлению русского искусства XVI—XVIII веков, которое вошло в историю как народное деревянное зодчество Московской Руси.

Но дерево, как известно, — материал не столь долговечный, как камень и кирпич.

Дожди и снега, зной и ветры, наводнения и молнии, а особенно пожары, столь частые в старых русских городах и селах, и в не меньшей мере войны, междоусобицы, нападения и нашествия врагов сделали свое дело: едва ли не на всей территории России, за исключением некоторых отдаленных ее краев, памятников древнего деревянного зодчества осталось очень мало. Большинство сохранившихся до наших дней памятников относится к XVIII—XIX векам. Строительная техника непрерывно развивалась, и все чаще в города звали каменщиков, а не плотников.

До нашего времени дошло сравнительно немного старинных образцов народной деревянной архитектуры, и почти все они — в Поволжье, на Урале, в Сибири и, главным образом, на Севере.

Русский Север — это грандиозный, единственный в своем роде заповедник народного деревянного зодчества. В Карельской и Коми АССР, в северных областях Российской Федерации — Архангельской, Вологодской, Костромской, Кировской и некоторых других — сохранились замечательные памятники народного творчества, воссоздающие яркую картину древнерусской архитектуры.

В XIX веке это была отсталая, тихая провинция, глухая окраина Российской империи. Это был край, куда ссылали провинившихся монахов и «политических преступников». Север стоял тогда в стороне от главных путей политического, хозяйственного и культурного развития русского государства.

Но было бы ошибкою думать, что так было всегда и что именно эта оторванность и послужила предпосылкой расцвета народного творчества. Нет, народное искусство, как и всякое большое искусство, не может развиваться в атмосфере идиллической тишины и безмятежности. Только реальная жизнь, история с ее острыми социальными противоречиями, с борьбой, победами и поражениями может стать той плодотворной

почвой, на которой возрастает древо народного творчества.

Многие века северные крестьяне жили одной жизнью со всем русским народом; что же касается XIX века, когда русский Север оказался на обочине столбовой дороги истории, то к этому времени все лучшее в народном деревянном зодчестве было уже создано: XIX столетие немного прибавило к нему. Экономическое и культурно-политическое отставание северного края в это время имело разве лишь то значение, что чудесные памятники древнерусской архитектуры, почти повсеместно исчезнувшие, сравнительно хорошо сохранились в тиши северных заштатных монастырей и приходов, на онежских островах и в шхерах, в архангельских деревнях и рыбацких поселках, вятских и вологодских лесах.

Расцвет народного деревянного зодчества на севере России объясняется, таким образом, не изолированным положением Севера, а причинами, общими для всей страны. Но были и особые условия, способствовавшие возникновению и сохранению здесь уникальных, драгоценнейших памятников народного деревянного зодчества.

Лавина татаро-монгольского нашествия, обрушившаяся на Русь, обошла Север. Конница Чингисхана и Батыя не топтала эти земли, здесь не угасал огонь русской государственности и национальной культуры. В то время когда развитие русской культуры, преемственность ее исконных традиций, восходящих к эпохе Киевской Руси, искажались и тормозились, на Севере эти традиции сохранялись в своей первозданной чистоте. Перед учеными, устремившимися в XIX веке на Север, предстал народ, свято хранивший не только древний язык, обычаи и обряды, но и многие старинные предания, давным-давно позабытые в других местах России. Не случайно знаменитые былины Владимирского цикла, родившиеся в Киевской Руси, были записаны не на самой Украине и

не в Центральной России, а за сотни верст от Днепра, в глухих заонежских деревнях! Именно Заонежьё, волею исторических судеб ставшему хранилищем русского народного творчества, более всего обязан наш фольклор. Эта же ярко выраженная преемственность, упорная, можно сказать истовая, приверженность к образам и формам древнерусской культуры сказывается и в северном деревянном зодчестве.

Русский Север — это край сильных и мужественных людей, рыбаков-поморов, охотников и лесорубов, плотников и поэтов. Закаленный в постоянной, непрерывной борьбе с суровой природой, северный крестьянин никогда не гнул спины перед угнетателями. Здесь, на Севере, никогда не было крепостного права в его законченной форме. Крестьяне платили многочисленные подати, несли тяжелые «казенные» повинности, но барщины здесь не было. Страшное проклятие крепостничества с его непосильным гнетом лишь затронуло, но не захватило северные районы страны. Это еще больше укрепило и сохранило в северянах дух вольнолюбия, горделивое сознание своей независимости, утвердившееся еще с тех давних времен, когда эти земли входили в состав Новгородского княжества.

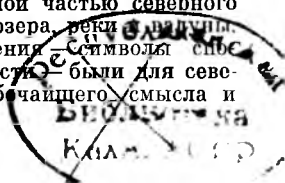
Сюда, на Север, со всех концов России бежали в XVII веке сотни раскольников, стоявших за старую «исконную» веру. Здесь возникло множество скитов и поселений старообрядцев, не желавших покориться деспотизму самодержца, всемогущего патриарха, дворян. Но за церковной реформой патриарха Никона стояла «большая» политика самодержавия. Эта реформа должна была поддержать неограниченную власть царя, завершить процесс закрепощения крестьянства. В церковном расколе за плотной завесой богословских споров зрели гроздя гнева и разгорался незатухающий огонь классового протеста народа. Северные области, куда не всегда достигала власть царских канцелярий, бо-

лее двух веков были одной из основных цитаделей строптивых раскольников. Все это не могло не сказаться на особенностях северного зодчества, выразившего языком и средствами архитектуры сильный и свободолюбивый характер создавшего его народа.

Не безмятежной провинциальной идиллией была история русского Севера. От Белого моря и балтийских берегов к Новгороду, Москве и дальше на юг, запад и восток тянулись торговые пути, проложенные еще во времена Великого Новгорода. Пушкину, рыбу, соль, смолу, мед и многие другие товары традиционного русского экспорта поставляли главным образом северные края. Особенно оживилась торговля и хозяйственная деятельность Севера в XVIII веке, когда вслед за купцами на Олонецкие и Архангельские земли потянулись промышленники. В бурную эпоху Петра I здесь возникли металлургические и оружейные заводы, судостроительные верфи и каменоломни, местные промыслы. Российскому государству, выходившему на широкую европейскую арену, требовались лес и железо, пушки и корабли, нужны были сильные, умелые рабочие руки для строительства новой столицы на Неве и развивающейся промышленности.

Лишь в XVIII веке пришло сюда время мира и безопасности. А до этого много столетий подряд северяне не выпускали из рук боевого оружия. На протяжении веков Север служил форпостом России против иноземных захватчиков, ареной длительной и упорной борьбы за морские рубежи страны. От Соловков и Архангельска до Костромы и Вологды тянулась сплошная цепь городов-острогов, городов-крепостей, укрепленных посадов и погостов. Сторожевые башни и крепостные стены стали такой же неотъемлемой частью северного пейзажа, как леса и озера, реки и озера. Крепостные сооружения — символы спокойствия и безопасности — были для северян исполнены глубочайшего смысла и

1090770

оказывали воздействие на их художественные вкусы и идеалы. Героический образный строй укоренился в народном деревянном зодчестве и стал одним из его самых типических и ярких особенностей. Недаром силуэты величественных деревянных церквей и звонниц, возвышающихся где-нибудь в Кеме или Коле, Кондопоге или Кулиге Драковановой, невольно вызывают в памяти образы былинных богатырей, стоящих в неусыпном дозоре вдоль границы древней Руси.

Своеобразно сложились судьбы русского Севера и народного деревянного зодчества. Но понять их трудно, если не учитывать то важнейшее, определяющее обстоятельство, что эта архитектура — неотъемлемое звено одной цепи, органическая составная часть всего древнерусского национального искусства. Ее истоки берут свое начало в богатой архитектурно-строительной культуре Киевской Руси и Великого Новгорода; именно отважные новгородские землепроходцы и их потомки, осваивавшие в XI—XIV веках обширные северные земли, строили здесь первые храмы и жилища. Они-то и принесли с собой тот дух демократичности и мужественной суровости, мудрой простоты и чисто крестьянского простодушия, который столь характерен и для искусства древнего Новгорода, и для всего северного народного зодчества.

Но расцвет этой деревянной архитектуры, как уже говорилось выше, неразрывно связан с политическим, экономическим и культурным расцветом Московского государства в XVI—XVII веках. Можно было бы на многих конкретных примерах проследить творческие связи и взаимовлияние северного и собственно московского зодчества, косвенные и прямые аналогии, общность архитектурных и конструктивно-строительных приемов и решений. Однако важнее подчеркнуть то единство идейно-образного начала, которое определило характер и значимость всего искусства Московского государства и Севера в частности.

В XVIII веке, в эпоху Петра I и Екатери-

ны II, когда по всей стране распространяются формы и приемы европейской архитектуры, на Севере продолжается строительство замечательных деревянных храмов в традиционных формах.

Расцвет народной деревянной архитектуры Севера явился, как мы видели, результатом длительного исторического процесса сложения русской нации, формирования и укрепления централизованного государства, интенсивного роста и кристаллизации национального самосознания. Но есть еще одно обстоятельство, обусловившее характер русского народного деревянного зодчества. Это талантливость русского народа, его развитое чувство прекрасного и гармонии, способность к созданию произведений большого и глубоко самобытного искусства. «Страной зодчих» назвал Россию Игорь Грабарь. Он говорил, что чутье пропорций, понимание силуэта, декоративный инстинкт, изобретательность форм встречаются на протяжении русской истории так постоянно и повсеместно, что наводят на мысль о совершенно исключительной архитектурной одаренности русского народа.

В правоте этих слов убеждает все русское искусство и, в частности, замечательные памятники народного деревянного зодчества.

Северная деревня

ДЕРЕВНЯ ХОЛМ
(АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛ.)

В основе всех основ — деревянный сруб. Прекрасны четкие, ясные формы сруба, его несколько суровая, мужественная монументальность. Он хорош своей первозданной силой, естественной, природной красотой, простым ритмом могучих венцов. Попробуйте, прикройте их каким-либо причудливым узором, аккуратно распиленными досками, штукатуркой или краской — и сразу пропадет все очарование. В прямых, крепких стволах сосен и елей еще струятся жизненные силы, и, притронувшись к бревнам, мы словно ощущаем их трепетный поток. Трудно отвести взгляд от богатой, разнообразной текстуры дерева. Чудесен теплый цвет и тон дерева, доброго и надежного, дубленного северными ветрами, насквозь прогретого солнцем и теплом разгоряченных рабочих рук.

Не всякое дерево годится на стройку: валили только лучшие ели и очень крупную смолистую сосну. Рубили, сплавляли по рекам и озерам, очищали стволы от сучьев и коры, тесали. А уж затем вязали венцы сруба. Углы, как правило, рубили так, чтобы снаружи оставались концы бревен — они придают русским избам и храмам особую пластичность и прелесть.

Каждый венец требовал от плотника громадного терпения, мастерства, верного глаза и твердой руки. Ведь надо было сделать пазы, врубки, потайные зубья, притесать одно бревно к другому так плотно, чтобы между ними не вошло даже лезвие тонкого ножа. Гвозди были не нужны: без них сруб прочнее, устойчивее, долговечнее.

Топор в руках северного плотника — универсальное и всемогущее орудие. Наверное, быстрее и легче перерезать бревна пилой, но сила привычки, власть древних традиций была слишком велика, и бревна перерубали топором да так, что не оставалось ни малейшей зазубрины. И этим же топором да долотом плели тончайшее кружево резных орнаментальных узоров.

Итак, сруб. Но какими же были древние строения, основу которых составлял сруб?

ДЕРЕВНЯ НИЗ
(АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛ.)

ДОМ ИЗ ДЕРЕВНИ
ОПЕВНЕВО В КИЖАХ

Немного дошло до нашего времени от старинных деревянных изб и построек промыслово-хозяйственного назначения. Крестьянская изба — не храм, не дворец, и век ее недолгий. Фактически все уцелевшие избы не старше XIX века. Сколько служила обыкновенная изба крестьянину? Много, если трем-четырем поколениям, а потом ставили новую.

Чуть ли не на наших глазах коренным образом изменился облик русского села. Безвозвратно канул в прошлое мир старой деревни с ее курными избами, ветряными мельницами и часовнями. На их месте вырастают добротные дома из современных строительных материалов с «городским» комфортом, громадные колхозные фермы, Дворцы культуры, клубы, библиотеки, школы, больницы, магазины, кафе. А ученые в поисках старинных изб устремляются во все более далекие экспедиции...

Русская деревня — это целый мир, очень своеобразный, полный особой жизни, полускрытый от постороннего глаза. Что ни край — Северная Двина или Поволжье, Урал или Сибирь, — то свой тип деревни. Чтобы рассказать о всех, понадобилась бы не одна книга, а чтобы познать их, нужны не дни, а годы... Поэтому перенесемся мысленно на русский Север, где в наибольшей чистоте сохранились исконно традиционные формы и приемы народной деревянной архитектуры. И пусть избы здесь построены в своем большинстве всего лишь несколько десятилетий назад, но в северной деревне чувствуется далекая старина — так или почти так строили и сто, и триста, и пятьсот лет назад.

Северная деревня расположена, как правило, по берегам рек и озер, вблизи «большой воды». С ней крепко связана жизнь северянина — рыбака, охотника, сплавщика леса. В легких и по-своему изящных лодках, долбленных или сбитых из досок, он чувствует себя так же свободно, как и на земле. Реки и озера для северного кре-

НИЖНЯЯ ЗИМНЯЯ ИЗБА

ВЕРХНЯЯ ЛЕТНЯЯ ИЗБА

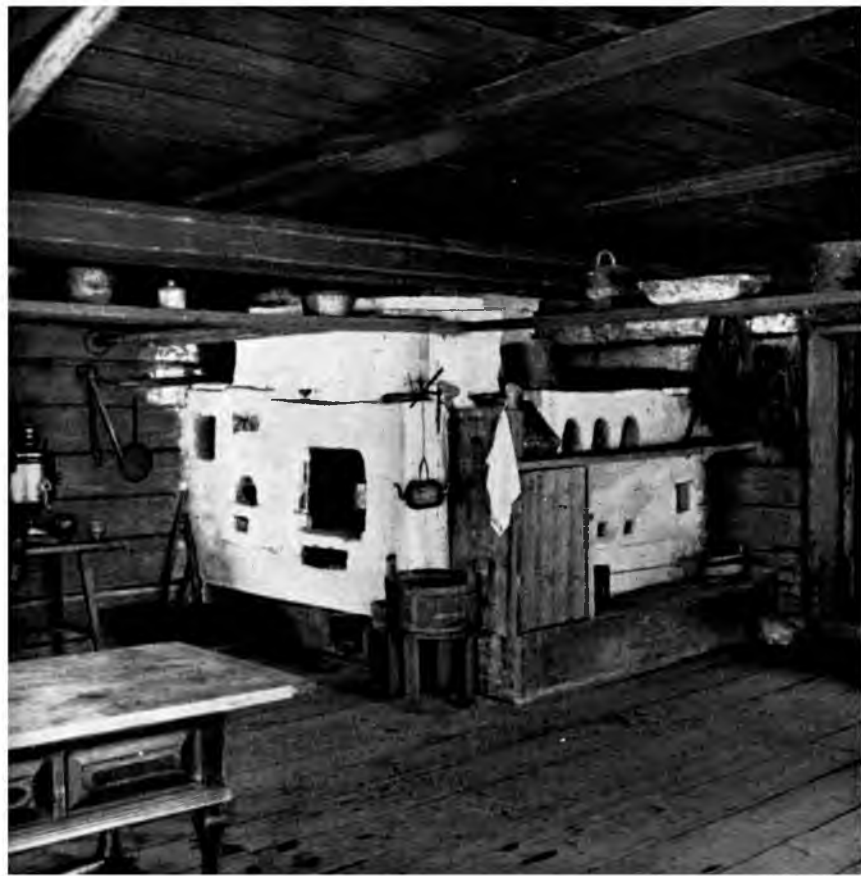
ПОВЕТЬ

стьянина — едва ли не главная связь с внешним миром.

Все избы в деревне обращены на озеро или реку, как говорят здесь, на «веселое», от-
радное место. Сзади к самым огородам
подступает лес. У северного крестьянина
с ним сложные отношения: лес для него
и друг, и недруг. Жизнь его неотрывна от
леса, но у него же он отвоевывает землю
под пашню и луга, корчует пни, очищает
от кустарника и камней. Из валунов, со-
бранных на полях, иногда складывают
ограды, тянущиеся на много сотен саженей.

Деревни на Севере обычно небольшие —
пять—семь дворов. Если десять—пятна-
дцать, так это уже считается крупное се-
ло. В центре деревни или где-нибудь в сто-
роне, но на лучшем и видном месте стоит
церковь, если село большое, а чаще — часо-
венка. Прежде это было главное и един-
ственное общественное сооружение во всей
деревне — самое большое, высокое и значи-
тельное. Избы крупные, добротные, краси-
вые. Неподалеку амбары, на задворках
риги, у самой воды баньки. На косогоре
ветряная мельница раскинула крылья; ко-
лодезный журавель вытянул свою тонкую
и длинную шею. Садов и палисадников
почти нет — северная земля не для цветов
и яблонь, а лес, кусты — рукой подать.
Огороды, поля и вся деревня окружена
изгородями из наискось поставленных жер-
дей — защита от скота.

Глянешь на такую деревню со стороны,
кажется будто избы и сараи ставили как
кому бог на душу положит. Но в целом,
если присмотреться, в планировке дерев-
ни — железная, нерушимая закономер-
ность. Основной принцип прост: чтобы и
хозяйину было удобно, и соседу не мешало,
и вид деревни не портило. Планировка не
«под линейку», не «по шнурку», а свобод-
ная, непринужденная. Это соответствует
естественным потребностям и вкусам чело-
века и в то же время общим планировоч-
ным принципам того времени, рожденным
многовековым опытом народа.

ОКНО

ПРИЧЕЛИНА

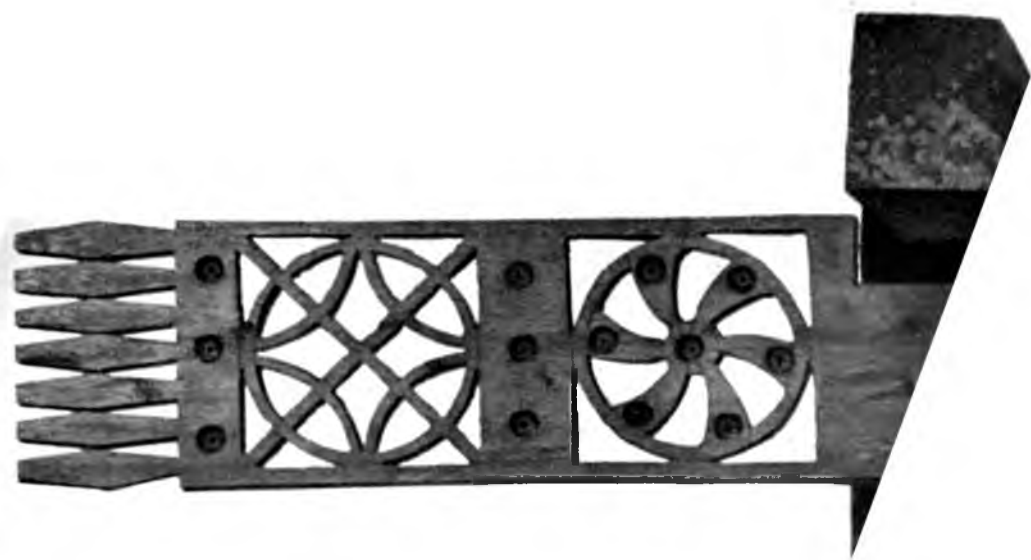
Что ни изба — свой облик, свой характер. У амбара, гумна или мельницы, не говоря уж о церкви, колокольне и часовне, снова свое «лицо». Конечно, архитектурные формы и традиционные конструктивные приемы передавались из поколения в поколение, но, применяя их, каждый строитель непременно вносил что-то свое.

А посмотришь вокруг, окинешь такую деревню единым взглядом и покажется, будто она создана в одно время, одним мастером и из одного куска дерева — от луковичной главки на часовне до последнего амбарчика. В этом кажущемся однообразии рождается органическое единство архитектурного ансамбля, созданное общностью строительного материала, устойчивостью традиций и, конечно, эстетического чутья народа.

Это единство — и в сложной взаимосвязи деревни с природой, с которой она словно сливается в одно нерасторжимое целое. «Чутье северянина, — писал композитор и большой знаток русского искусства Борис Асафьев, — не обманывает его, когда он удачно расположенной деревней, домом, часовней, церковью, а иногда просто крестом как бы отмечает центральную точку и побочные центры, вокруг которых смыкается или собирает себя все многообразие природы.»¹

Это единство и в неизменности материала архитектуры: изба, храм, сарай, мельница, баня, мост — это прежде всего бревенчатые срубы, мощные, крепкие, очень пластичные по форме и фактуре, необычайно богатые разнообразными оттенками теплого золота: от темно-бурого цвета старых бревен, продубленных дождем и ветром, до светлого, янтарного. Это единство и в прочной, отшлифованной веками традиционной строительной приемы и мудрых секретов русского плотницкого искусства; наконец, в классической цельности и чистоте стиля древнего народного зодчества, которые дольше всего сохранились именно на русском Севере.

¹ Асафьев Б. Крестьянское искусство Севера. Л., 1928, с. 16.

Строили здесь широко, с размахом: земли много, лес под рукой, рабочие руки свои. Избы большие, массивные, словно крепости. Иногда в один этаж, нередко в два, да еще со светелкой наверху и обширным крытым двором. Под ее широким кровом жили вместе деды и отцы, сыновья и внуки. Жили большой семьей, одним общим хозяйством. Из таких домов в старину выходило в поле сразу человек по двадцать.

ВЗВОЗ

ДОМ В ДЕРЕВНЕ ГАРЬ ИНТЕРЬЕР (АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛ.)

Стоит такая изба, обратившись «лицом» к проезжей дороге, реке или озеру, поблескивает на солнце высоко поднятыми над землей окнами. Широкое крыльцо радушно манит к себе добрых гостей; смотреть на избу приятно и радостно.

ЧЕРНАЯ, «РУДНАЯ» ПЕЧЬ

Избу срубить — не простое дело: четыре угла да крыша. Русский крестьянин ставил дом прочно, основательно, на века. И чтобы жить в нем было тепло, уютно и удобно, и чтобы всякий, кто ни посмотрит, поразовался. Поэтому не каждый крестьянин способен был срубить хорошую избу, а лишь умелый, опытный плотник. Таких умельцев было немало в северных губерниях России.

Без гвоздей и скоб надежно рубил плотник сруб. Поднялся сруб, выложены и бревенчатые треугольные фронтоны. А затем и крыша избы, столь же надежная и прочная. В силуэте целого, в каждой детали такой крыши ощущается рука не только искусного плотника, но и талантливого зодчего и скульптора.

Например, такая деталь, как так называемая «курица», то есть срубленные с корнем молодые ели, которые кладут поперек горизонтальных подкровельных бревен. Очертания корневищ этих куриц мощны, упруги и по-своему красивы; они действительно отдаленно напоминают горделивую осанку каких-то птиц или коней. Плотник отсекает только лишнее, но никаких ненужных линий и порезок, никакого стремления к натуралистическому правдоподобию!

ДЫМНИК

ДОМ В ДЕРЕВНЕ ГАРЬ
(АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛ.)

ДОМ ИЗ ДЕРЕВНИ СЕРЕДКА

ДОМ ИЗ ДЕРЕВНИ
ЛОГМОРУЧЕЙ В КИЖАХ

Или «конек» — выступающий вперед конец выдолбленного снизу бревна, прикрывающего стык обоих скатов крыши. Иногда это чисто декоративная форма, и чаще в ней легко угадываются очертания конской головы. В северных деревнях конек испокон веков был предметом особой гордости хозяев и творческого соревнования строителей. У кого он красивее, у того изба лучше, а мастер искуснее.

Подкровельные конструкции на фасадах северных изб обычно прикрываются резными досками — причелинами, а стык их под коньком — вертикальной доской — полотенцем.

Не очень-то любил северный плотник витиеватые и затейливые украшения, но здесь, в резьбе причелин и полотенца, он давал свободу своей богатой фантазии. Поразительно тонка и разнообразна их ажурная резьба, сколько мастерства и какой-то наивной бесхитростной радости жизни в этих сквозных орнаментах! Что ни изба — своя выдумка. Но почти всегда на концах причелин и полотенец резная круглая розетка — символическое изображение солнца. В этом древнем символе, ставшем издавна привычной традицией, слышится отголоски далеких времен, когда славяне-язычники поклонялись самому могучему и доброму божеству — Яриле, Солнцу.

Но где с особенной силой и полнотой проявляется декоративный талант и неистощимая изобретательность крестьянских зодчих, так это в архитектуре крыльца. Сколько здесь вариантов, сколько интереснейших находок и тонкого художественного вкуса!

Крыльцо связывает избу с улицей, с деревней, со всем окружающим ее пространством. Оно гостеприимно открыто для всех. В старой деревне крыльцо играло роль своеобразного «домашнего клуба»: в хорошую погоду по вечерам собирались здесь старики, молодежь, детвора.

КОЛЫБЕЛЬ**БАЛКОН****ДОМ В ДЕРЕВНЕ ХОЛМ
(АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛ.)**

Крыльцо на русском Севере обычно высокое, большое, просторное. Оно выходит в сторону улицы, но ставится, как правило, на боковом южном фасаде. Эта асимметрия композиции придает всему облику избы особую прелесть и своеобразие. Резные столбики поддерживают кровлю, украшенную ажурной резьбой. Поставит мастер такое крыльцо, и весь дом, добротный и основательный, словно озарится доброй, светлой улыбкой.

Удивительно хороши эти северные золотистые избы! Четкость композиционного решения, сильные и крупные архитектурные массы, простота и многообразие форм, средств и приемов, острота и выразительность художественного контраста мощного сруба и деревянного кружева украшений, наконец, глубокая гуманистичность образного строя — все это ставит их в один ряд с классическими образцами русского народного зодчества.

Вот, к примеру, крестьянский дом из деревни Ошевнево на Большом Клименецком острове Онежского озера, перенесенный и установленный ныне в Кижском музее народного деревянного зодчества.

Дом громадный: в два этажа со светелкой, крытым двором, длинной открытой галереей, опоясывающей жилую часть с трех сторон, и нарядным балконом у светелки. К нему даже как-то неприменимо слово «изба», настолько он велик и импозантен. Объем его достигает внушительной цифры — две с половиной тысячи кубических метров!

Архитектурно-планировочная структура дома из деревни Ошевнево может служить воплощением патриархального уклада жизни старой северной деревни. Под его кровом — четыре отдельные избы для разных семей одного и того же патриархального рода, светелка и два других летних помещения. Подстать жилью и двухэтажный двор, занимающий примерно две трети площади всего дома.

«ВЫПУСК» (КОНСОЛЬ) НА
ЗАДНЕМ ФАСАДЕ

ШЕЛОМ (КОНЕК) НА
ЗАДНЕМ ФАСАДЕ

ОКОНЦЕ НА ПОВЕТИ

ПЕЧЬ И ГОЛБЕЦ

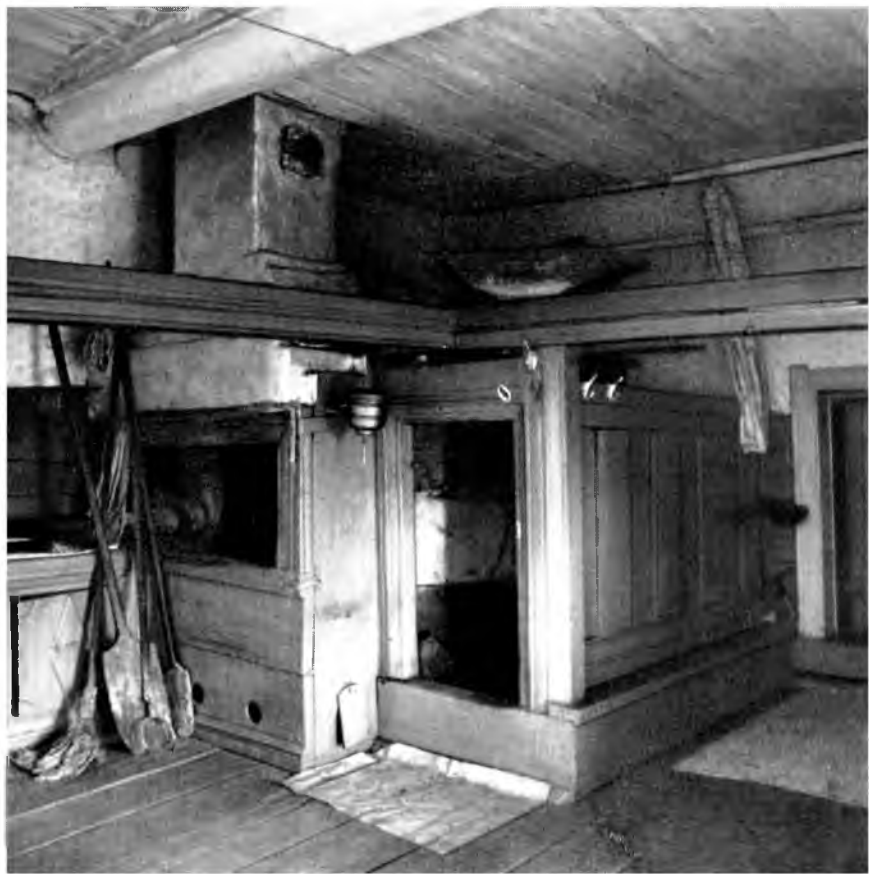
В деревнях средней России сараи, хлевы конюшни и другие приусадебные постройки стоят обычно поодаль от жилья, на открытом хозяйственном дворе. На Севере — по-другому: все очень цельно и компактно все собрано под одной крышей, и можно подолгу, не выходя из дома, выполнять повседневные хозяйственные работы. В условиях долгой, суровой северной зимы, когда неделями веют жестокие ветры и земля покрывается громадными сугробами, такая планировка дома-двора и дома-усадебны вызвана к жизни практической необходимостью. Так строили здесь испокон веков и до недавнего времени.

Весь первый этаж крытого двора занимает скотный двор с двумя воротами, хлев, конюшня, кладовая для фуража и лестница наверх. А наверху — просторный сарай, который служит сеновалом и местом хранения всевозможного земледельческого и промыслового инвентаря. Тут же в непогоду и в холодное время года выполняли многие домашние работы. С «улицы» ведет взвоз — наклонный бревенчатый помост, по которому въезжали даже на запряженных лошадях. Такие помосты — одна из характерных особенностей северных изб.

Все жилые и хозяйственно-бытовые помещения сгруппированы и объединены в один общий сруб, образующий в плане почти правильный квадрат. Жилая часть дома с крыльцом и входом обращена по традиции в сторону озера, поближе к свету, воздуху, а крытый двор выходит к огороду, на задворки. Огромный массив сруба перекрыт одной общей двухскатной кровлей, причем ее верхний стык проходит не над серединой всего здания, как это бывает обычно, а по оси жилой части дома. Поэтому скаты кровли разные: один короткий и крутой, другой пологий и длинный. Потому и боковые фасады дома приобретают своеобразные асимметричные очертания, а вся его композиция и архитектура — черты правдивости, мужественной простоты и самобытности. Дом такого

**АМБАР В ДЕРЕВНЕ ГАРЬ
(АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛ.)**

**АМБАР В ДЕРЕВНЕ
УСТЬ-УЛЕША
(АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛ.)**

**РЫБНЫЙ АМБАР
В ДЕРЕВНЕ УМБА
(МУРМАНСКАЯ ОБЛ.)**

типа получил в народе название «кошель». Он известен на Севере с незапамятных времен и очень характерен для народного деревянного зодчества Заонежья.

Немало в доме Ошевнева и других частей и деталей, типичных для жилой архитектуры русского Севера и олицетворяющих ее общую традицию — нераздельное единство пользы и красоты. Вот, например, крыша дома. Как просто и как сложно соединены в ней все конструкции! В ней нет ни одного гвоздя, но как она надежна и прочна!

Жилые помещения так же типичны для старинного жилья Заонежья, как и вся планировка этого дома. Здесь древним местным традициям следует все, начиная от громадной русской печи особого местного типа и кончая массивными лавками, а также приемами обработки стен и углов, предметами быта и крестьянского прикладного искусства.

Красив и величав дом Ошевнева, нарядный, торжественный. Прекрасны его четкие формы, их несколько суровая, мужественная монументальность.

Более скромн, по-своему не менее интересен дом Елизарова, ныне стоящий там же, в Кижском музее-заповеднике северного деревянного зодчества. Это, пожалуй, один из самых старых среди известных крестьянских домов, сохранившихся в Карелии. Точная дата постройки его неизвестна, но по ряду признаков его можно отнести к первой половине XIX века. В плане дом Елизарова напоминает букву Г, потому и дома такого типа в народе называются «глаголь».

В доме Елизарова, принадлежавшем не слишком зажиточной крестьянской семье, всего один жилой этаж и одно жилое помещение, общее для всей семьи. Соответственно этому и размеры хозяйственных помещений значительно меньше и скромнее. Сейчас это едва ли не единственный в Карелии крестьянский дом с так называемой курной избой, отапливаемой «по-

**АМБАР ИЗ ДЕРЕВНИ
КОККОЙЛА В КИЖАХ**

**АМБАР ИЗ ДЕРЕВНИ
ПЕЛДУЖИ В КИЖАХ**

**БАНЯ В ДЕРЕВНЕ УХТА
(АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛ.)**

**БАНЯ В ДЕРЕВНЕ
ВЕШКАЛИЦА
(КАРЕЛЬСКАЯ АССР)**

черному», как это было в не столь далекие времена. Дым из печи в таких избах выходит прямо в жилое помещение и, расстилаясь по потолку, вытягивается в особое отверстие с задвижкой и уходит в деревянный дымоход.

Курная изба поражает. Прежде всего рушатся привычные и, надо сказать, весьма поверхностные представления о том, что в такой избе всегда темно и грязно, что повсюду зола, сажа, копоть. Ничего похожего! Полы, гладко обтесанные бревенчатые стены, широкие лавки, печь — все сверкает чистотой, столь обычной для изб северных крестьян. На чистом столе — белая скатерть, на ступах вышитые полотенца и одежда, в «красном» углу — традиционный иконостас с начищенными до блеска окладами икон. И лишь несколько выше человеческого роста проходит граница, за которой царит чернота законченных верхних венцов сруба и потолка — блестящая, отливающая синевой как вороново крыло. Дым, расстилаясь по потолку, опускается всегда до определенного постоянного уровня. По этому уровню вдоль стен проходят широкие полки-воронцы, которые четко и, можно сказать, архитектурно отделяют светлую, чистую нижнюю часть избы от ее черного верха.

Чуть ли не половину избы занимает знаменитая русская печь. Изба без печи — не изба. С ней крепко связан быт русского крестьянина, вся его жизнь от рождения до смерти. И сложена, или как говорят «сбита», она просто, практично и по-своему красиво. В печи варят пищу, на ней спят, сушат одежду, вялят рыбу, в ней хранят огонь, калят камни, чтобы согреть поило для скота. Рядом шкафчик для кухонной утвари, и рукомойник, и место для огнива, и светец с лучиной; под печью место для кур, лестница, ведущая в подклеть. Печь кормит, светит, моет, сушит, лечит, греет — много еще служб есть у нее!..

По внешнему облику дом Елизарова прост и строг; в нем сильнее ощущается старинная народная архитектура. Особенно это

**МЕЛЬНИЦА В ДЕРЕВНЕ
АЗОПОЛЬЕ
(АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛ.)**

**МЕЛЬНИЦА В ДЕРЕВНЕ
ЩЕЛКОВО
(ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛ.)**

чувствуется со стороны двора: мы словно переносимся в далекое прошлое, когда крепости не слишком отличались от жилья, а крестьянские избы — от оборонных сооружений. Основной декоративный мотив — треугольные наличники над окнами. В сочетании с фронтонами здания они создают простой, но выразительный архитектурный ритм.

Недаром говорят, что если художник не может делать красиво, он делает богато. Старые мастера знали эту заповедь и умели делать красиво. Дом Елизарова привлекателен цельностью и завершенностью архитектурного образа и точно найденными пропорциями. Грубые, не обработанные бревна сруба продолжают в изящных резных столбиках крыльца, и этот обнаженный контраст создает неожиданно яркий художественный эффект.

Третий дом, перевезенный в Кижь, — дом Сергеева, построенный в конце XIX века и принадлежащий к самому распространенному на Севере типу крестьянского дома, называемому «брус». Свое название дома такого типа получили потому, что в них все помещения сблокированы в один вытянутый в длину прямоугольный сруб, перекрытый общей двухскатной кровлей. В общем же дом Сергеева — заурядная, можно сказать, «типовая» изба северного крестьянина среднего достатка.

...Мы сидим в такой обычной избе, и какое-то особое чувство закрадывается в душу. Гладко стесанные стены с закругленными углами словно излучают мягко приглушенный золотистый свет. Их никогда раньше не красили и ничем не обклеивали: русский крестьянин тонко чувствовал природную красоту дерева.

Да и что может сравниться с красотой естественной текстуры некрашеного дерева, темными неровными полосами сердцевины, ритмом сучков, гладкой и все же чуть шероховатой, «живой» поверхностью! Пол, сложенный из широких цельных плах, мощная, ничем не скрытая кладка бревен-

**МЕЛЬНИЦА ИЗ ДЕРЕВНИ
ВОЛКОСТРОВ В КИЖАХ**

**МОСТ В ДЕРЕВНЕ
ОВЧИНКОНЕЦ
(АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛ.)**

чатого сруба, лавки, полки — все это создает неторопливый ритм строгих горизонталей.

Северная изба — это царство дерева. Все или почти все сделано здесь из дерева руками крестьянских умельцев. Долгими зимними вечерами долбили они большие и малые ковши смелой и благородной формы, резали миски и ложки, плели кошелки и солонки, в которых соль всегда оставалась сухой, мастерили из бересты туесы для ягод, грибов, меда. Предметом особой гордости считались прялки. Между хозяйками существовало своеобразное соревнование: чья прялка украшена более красивой и тонкой росписью и резьбой. Поэтому в северных деревнях редко встретишь две одинаковые прялки. Из дерева мастерили и ткацкие станки.

Вещи все простые, обычные, и делались они, понятно, не только для украшения. Быть может, порой они получались слегка и неказистыми, но сколько в них стихийного стремления мастера к красоте. Редко кто так любил и понимал дерево, его громадные выразительные возможности, кто так умел «слушать» и извлекать из него потаенную музыку. Труженик в душе крестьянина всегда уживался с художником, и потому самую простую, повседневную утварь он создавал по единому закону пользы и красоты, не только удобной и практичной, но и радующей глаз своей формой, линиями, цветом. Возьмите, к примеру, деревянные ковши: это творения талантливых народных скульпторов, не подражающих природе, но осмысливающих и воплощающих ее сущность в поэтической, подлинно художественной форме.

Это эстетическое, стихийно творческое начало пронизывает весь бытовой уклад северного крестьянина, все постройки северной деревни: будь то изба или церковь, сарай или мельница, мост или рига.

Вот амбар из карельской деревни Койколла, построенный во второй половине XIX века и тоже перевезенный в Кижы. Амбар этот — простая двухэтажная клеть

*МОСТ В СЕЛЕ КЕНОРЕЦКОЕ
(АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛ.)*

под широкой двухскатной крышей, с галерейкой и крутой наружной лестницей. В первом этаже встроенные в сруб длинные лари для зерна, муки, крупы, разделенные внутри поперечными перегородками. Второй этаж служит хозяйственным помещением, нечто вроде кладовой для хранения всякого рода предметов.

Общая структура этого амбара настолько проста, что, казалось бы, плотнику здесь и разгуляться негде. Но под его умелыми руками заиграли ажурное ограждение галереи, укрытое под глубоким навесом крыши, резные столбики, лестница, придающая амбару домовитость и непринужденную асимметрию, двери с широкими косяками и лазом для кошки, сильная пластика сруба из крепких и крупных бревен. Яркий свет и глубокие тени образуют на этом амбарчике сложную и изменчивую игру; в солнечный день он словно живет и дышит.

Особенно интересны и необычны большие причелины и полотенце. Их свисающие концы — «кисти» — по своим очертаниям напоминают не то стилизованную фигуру человека, словно изваянную первобытным художником, не то огромную, тоже стилизованную кисть руки. От этой крупной и резкой резьбы веет глубокой языческой стариной.

Гумно, или, иначе, крытый ток, — весьма прозаическое и сугубо утилитарное сооружение: два сквозных широких входа, покатые взвозы, пол из тесаных плах, боковые отсеки для обработанной соломы. Но в приземистых и спокойных очертаниях гумна ощущается живое человеческое чувство, какая-то умиротворенность и тихая радость крестьянина, пожинающего плоды своего нелегкого труда. Поэтому он также тщательно обтешет бревно сруба, сложит его, что называется, на совесть, нередко украсит его причелинами и полотенцем с простой, но выразительной резьбой. Вот так незаметная, самая обыкновенная хо-

СЕВЕРНЫЙ ПЕЙЗАЖ

ПРОМЫСЛОВО-ОХОТНИЧИЙ
СТАН НА ЛЕШОЗЕРЕ
(КАРЕЛЬСКАЯ АССР)

зайтвенная постройка входит в сферу архитектуры как искусства и занимает в ней пусть скромное, но законное и достойное место.

А над озером или рекой приютилась стайка небольших приземистых срубов — это деревенские бани. Еще недавно топились они только «по-черному». Печь в них — и не печь в нашем представлении, а груда камней на невысоком срубе с искусно выложенным сводом — топочным отверстием. Когда в ней горят дрова, огонь струится между камнями, нагревает их, а дым стелется под потолком и вытягивается в дверь. Раскаленные камни кидают в ушаты с холодной водой, и те нагревают ее так, что она кипит ключом не хуже, чем в чугунном котле.

На быстрых и порожистых реках и ручьях стоят водяные мельницы. Их сразу и отличишь от простого сарая — обыкновенная рубленая клеть. А вот ветряные мельницы всегда стоят у всех на виду, на самом высоком месте.

Старые русские мельницы — это настоящий кладезь строительной премудрости и смекалки деревенских механиков. Умно, просто и удобно сделан этот своеобразный, почти первобытный механизм, здесь все рублено и тесано из дерева, и только жернова каменные, да шкворень уже в них железный!

Северная ветряная мельница отличается одной особенностью. Чтобы улавливать переменчивый ветер, она вращается во круг своей оси вся целиком, тогда как у обычных ветрянок поворачивается только самая верхушка. Поэтому конструктивной основой северной мельницы и ее осью служит крепкий столб, глубоко зарытый в землю, и прочный бревенчатый сруб-фундамент. Чтобы еще лучше ловить ветер, мельницы часто поднимают высоко над землей, а опорный столб при этом забирают на всю высоту бревенчатый срубом. Формы его бывают весьма разнообразны благодаря чему и вся мельница приобре

*ОХОТНИЧЬЯ ИЗБУШКА
НА РЕКЕ НОВГУДЕ
(КАРЕЛЬСКАЯ АССР)*

*ПРОМЫСЛОВО-ОХОТНИЧИЙ
СТАН НА СОБАЧЬЕМ РУЧЬЕ*

*ИЗБУШКА И ЛАВАЗ
(КАРЕЛЬСКАЯ АССР)*

тает часто живописный и причудливый силуэт.

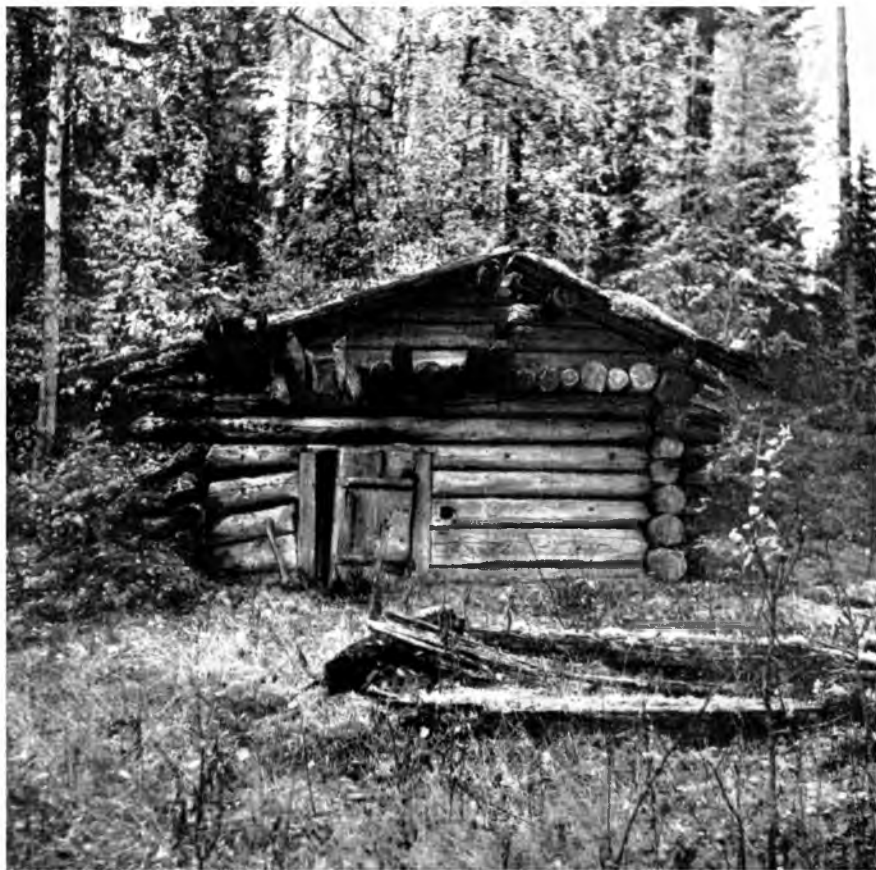
Редко в какой деревне нет мельницы; она является одним из немногих высотных элементов застройки северной деревни, формирующим ее характерный архитектурный пейзаж.

Через узенькие ручейки и широкие порожистые реки перекинуты мосты — иногда маленькие мостики, а то на сто с лишним метров в длину. Дно здесь, как правило, каменистое, поэтому вбивать в него сваи нельзя. Мосты лежат на больших восьмиугольных срубах, вытянутых по течению реки и загруженных крупными валунами. На этих срубах лежат продольные прогоны, а уже на них кладется сплошной накат из круглых бревен.

Эти мосты поражают каждого, кто их увидит. В их богатырских срубах заложена удивительная сила и монументальность. Романтику они покажутся пришедшими из старинной сказки, а инженер подивится очень точному расчету крестьянских строителей и необыкновенной длине пролетов (шесть — восемь метров) способных выдержать не то что лошадь с телегой, но и современный трактор в несколько тонн весом.

А вдали от деревень, в чаще леса, по берегам несудоходных рек стоят небольшие лесные избушки — временный приют косарей, охотников, рыбаков, сборщиков грибов и ягод. Такие избушки обычно стоят на самых выигрышных, красивых и удобных местах, которые северяне образно называют веселыми. Внешне эти избушки представляют собой простую, наскоро срубленную клеть с небольшой дверцей и крохотным оконцем. Все их внутреннее убранство состоит из широких нар, камелька, сложенного из дикого камня, да подобия столика. Отапливаются они, как и старые бани, «по-черному»: в комариную летнюю ночь — это единственное спасение для людей.

**ПРОМЫСЛОВО-ОХОТНИЧИЙ
СТАН В УРОЧИЩЕ
ХРИСТИАНВАРАК; ЛАБАЗ
(КАРЕЛЬСКАЯ АССР)**

**ОХОТНИЧИЙ АМБАР
НА Р. УЛЕШЕ
(АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛ.)**

**ОХОТНИЧИЙ ЛАБАЗ
НА Р. АНГАРЕ
(КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ)**

Забредет усталый охотник или путник в такую избушку, здесь для него и кров, и постель, и тепло. Всегда найдет он наколотые дрова, щепу для растопки, спички, котелок, соль, а то и щепотку чая, кусочек сахара и ржаные сухари. И словно дыхнет избушка домашним уютом, согреет большой душевной теплотой человека, который позаботился о том, кто придет следом за ним.

Среди мелколесья, окружающего поля северных деревень, нередко можно увидеть небольшие островки или куртины многовековых сосен и елей. Они довольно резко выделяются своим темным и цельным силуэтом с мягкими контурами и привлекают внимание своей заповедной нетронутостью. Это деревенские кладбища. Войдем под их сумрачную тень, и перед нами раскроется еще одна страница художественной и духовной культуры русского народа.

Низкий замшелый сруб бревенчатой ограды под широкой двухскатной кровлей стелется по земле, следуя всем ее неровностям, и теряется в густой тени нависающих еловых лап. У сельской дороги крохотная, совсем простенькая часовенка, все убранство которой составляют несколько почерневших икон на широкой полке. Тут же один или два входа в ограду. Входы в ограду — это символические и как бы игрушечные подобию проездных башен в некогда грозных крепостях. Да и сама ограда повторяет в уменьшенном и упрощенном виде когда-то неприступные стены крепостей и городов. Ныне они охраняют покой предков на «том свете», как когда-то охраняли грозные крепости покой живых.

За калитками — густой зеленый полумрак, могилы, кресты, обелиски. С грустным любопытством бродим среди таинственного полумрака, читаем на крестах чужие, незнакомые имена, тщетно пытаюсь заглянуть за непроницаемую завесу их прошлого...

**КЛАДБИЩЕ В ДЕРЕВНЕ
УШКОВО
(КАРЕЛЬСКАЯ АССР)**

**КЛАДБИЩЕ В СЕЛЕ
ШУЕРЕЦКОЕ
(КАРЕЛЬСКАЯ АССР)**

**КЛАДБИЩЕ В СЕЛЕ
КОВДА
(МУРМАНСКАЯ ОБЛ.)**

И вдруг, где-то в самом углу ограды, в зеленом кружеве густого подлеска, возникает нечто совсем неожиданное. Низкий, наполовину вросший в землю сруб в два-три венца высотой. Он заботливо покрыт двухскатной кровлей с традиционным коньком и резными причелинами по торцам. А на нем простой деревянный крест, но не открытый, как обычно, а защищенный своей кровлей, тоже двухскатной и тоже с маленькими причелинками.

Это так называемый срубец. Когда-то в далекие языческие времена жители лесного Севера хоронили своих предков не в земле, а в таких же срубах, но, по-видимому, больших и прочных. Ныне они, пройдя тысячелетнюю эволюцию, лишь оформляют могилу, предохраняют ее от внешних повреждений и преждевременного забвения. Одни еще крепкие, другие заметно обветшалые, третьи уже почти совсем сравнялись с землей. Новых срубцов не увидишь: разве только в самой отдаленной глуши.

К еще более интересным пережиткам язычества относится и другая разновидность надмогильных знаков — так называемые столбцы. Каждый из них — это своеобразное произведение деревянной скульптурной пластики, исполненное резцом народного художника. Все они в общем-то однотипны, но в них нет и тени ремесленничества, и среди них не найти двух одинаковых.

Небольшой (до сажени высотой) столб круглого, восьмигранного или прямоугольного сечения защищен сверху остроугольной кровелькой с неизменными причелинками. В верхней части столба врезана маленькая литая медная иконка с изображением того святого, имя которого носил умерший. А ниже вся средняя часть столба покрыта крупной и сочной порезкой, напоминающей резьбу на столбах крылец и галерей старинных зданий. Вариации этой резьбы бесчисленны, но почти все они основаны на принципе контрастного соче-

КЛАДБИЩЕ В СЕЛЕ
КОВДА
(МУРМАНСКАЯ ОБЛ.)

гания крупных упругих линий и форм с мелкими, ритмично чередующимися деталями. Эта очень выразительная резьба придает столбцам чарующую прелесть и ставит их в один ряд с лучшими произведениями народного искусства крестьян Севера.

Укрытые в сумраке старого ельника или прозрачной тени величавых развесистых сосен, эти резные столбики производят большое впечатление. Их суровый и лирический образ, словно пропитанный терпким ароматом Древней Руси, оставляет в памяти неизгладимый след.

Совсем иной образ погоста видится в заполярной поморской деревне, затерявшейся на отдаленном берегу Белого моря. Среди безлесых песчаных дюн, у самого моря, стоят огромные массивные кресты высотой пять-шесть метров. Стоят гордо и твердо, как воины, широко расправив могучие плечи, и, кажется, нет такой силы, которая могла бы сломать их непокорный дух.

Но под напором морских штормов дюны со временем перемещаются, как барханы в песчаных пустынях. Поэтому некоторые кресты уже вросли в землю «по пояс», другие почти совсем занесло песком. Но большинство из них возвышается во весь свой гигантский рост, упорно сопротивляясь времени и стихии.

Сильное и даже чуть жуткое впечатление производит такое кладбище, когда вокруг царит неумолчный рокот моря, свежий ветер да голые, слегка волнистые пески...

Нет, приниженный и слабый человек не мог создать такие образы, исполненные несокрушимой, титанической силы, достоинства и самоутверждения. Их мог создать только сильный и мужественный парод, вся жизнь которого — это суровая героика повседневных будней.

* * *

Мы познакомились в общих чертах лишь с типичной схемой северной деревни, а какое богатство их вариаций и деталей даже в границах только русского Севера! В каж-

**ПАМЯТНЫЙ КРЕСТ В СЕЛЕ
КОВДА
(МУРМАНСКАЯ ОБЛ.)**

**ОКОЛИЦА ДЕРЕВНИ
ШИРЯИХА
(АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛ.)**

**«ОСЕК» — ОГРАДА ЛЕСНОГО
ПАСТБИЩА
(КАРЕЛЬСКАЯ АССР)**

дом районе, а нередко и в отдельных деревнях были свои приемы планировки, декоративного убранства домов и хозяйственных построек. Что же говорить о других больших географических регионах России, где архитектурные задачи всегда решались в строгом соответствии с природно-климатическими, экономическими и культурными особенностями того или иного края. Изучение гражданского народного зодчества, в котором с особой силой проявляется художественная одаренность русского народа, является одним из самых увлекательных вопросов искусствоведения и этнографии. В последние годы пристальное внимание исследователей привлекают крестьянские жилища Верхнего Поволжья, в частности украшающая их декоративная деревянная резьба.

Обыкновенная русская деревня где-либо на берегу Волги или Оки. Обыкновенная крестьянская изба, украшенная по давней традиции декоративным фризом и наличниками, исполненными в технике так называемой глухой корабельной барельефной резьбы по дереву. И вдруг среди разнообразных орнаментальных форм неожиданно встречаем изображения очаровательно наивного и доброго льва с хвостом, поросшим трилистником, «фараонки» — женщины с рыбьим хвостом, фантастической птицы-сирены с женской головой, поразительно напоминающих (не буквально, но «по духу»), знаменитые барельефы владими́ро-суздальских храмов XII—XIII вв.

Фронтоны и окошки светлиц, фризové доски, наличники окон, ворота, кровати и другие предметы быта, богато украшенные искусной резьбой, уводят нас в удивительный мир народной сказки, в которой воедино сплелись яркая и вдохновенная фантазия мечтателей, реальные детали и характеры, наблюденные в окружающей жизни, неистребимая любовь к нарядности и красоте. Трудно не поддаться обаянию чисто крестьянского простодушия, просту-

пающего в этих фризах и наличниках, наивному стремлению деревенских зодчих и плотников украсить даже ворота, ведущие на скотный двор, лубочными изображениями сказочных существ, образы которых восходят к древнему фольклору. Вырезая классические орнаменты, заимствованные в XIX веке из города, поволжский резчик античный акант называет «петрушкой», розетку часто заменяет изображением подсолнуха, виноградную лозу — земляникой и малиной.

Но что особенно интересно для нас, так это то, что крестьянский мастер, тщательно и любовно отрабатывая детали декора, виртуозно используя выразительные возможности свободно бегущих контуров, цвета, фактуры дерева, в то же время редко теряет ощущение целого, органической связи декора с архитектурной идеей и конструктивными линиями здания. Резьба не нарушает архитектурные членения, а подчеркивает их, придает им художественную выразительность и завершенность, а всему сооружению — впечатление нарядности, эстетического богатства. Неразрывное единство декора и архитектуры и определяет меру той своеобразной монументальности и внутренней значительности, которая характерна для лучших образцов поволжской деревянной резьбы.

Такое яркое художественное своеобразие присуще не только Поволжью, но и другим областям и районам России. Очень интересны и оригинальны, например, и памятники народного деревянного зодчества Сибири, сохранившего целый ряд древних приемов и архитектурно-бытовых традиций. Строгое, сдержанное, мужественное, как и закаленный характер его создателей, искусство сибиряков доносит до нас атмосферу героической эпохи отважных русских землепроходцев, покорявших и осваивавших необъятные просторы от Урала до Тихого океана.

Композиционная планировка «тройных» и «двойных» изб, некоторые элементы деко-

ра, специфическая обработка ворот, крылец, оград, коновязей и других деталей сибирских домов восходят к далеким истокам русской деревянной архитектуры.

В сибирской деревне мы не найдем феерического изобилия декоративных элементов Поволжья, но строгая логика и целесообразность конструкций, художественное единство общего и частных, мудрая простота, тонкая гармония с пейзажем заставляют признать эти нехитрые крестьянские избы произведениями высокого архитектурно-строительного искусства.

Гражданское зодчество Сибири — явление в высшей степени своеобразное, многими своими архитектурно-строительными элементами существенно отличающееся от застройки деревень центральных районов России. Большую, определяющую роль в формировании сибирской деревянной архитектуры сыграли особенности климатических условий и географической среды, бытового уклада и хозяйственной деятельности сибиряков. Кроме того, русское население Сибири пополнялось пришельцами из самых разных областей России — Поволжья и Дона, Украины и Урала. Естественно, что переселенцы принесли в Сибирь многие приемы и стилистические черты народной архитектуры родных краев, а на новой почве они, в свою очередь, обогащались местными художественными традициями. Так, например, в декоре оконных наличников в Иркутской, Читинской и других областей можно встретить бурятско-монгольские мотивы.

...Стоят избы по всей Руси, десятки тысяч деревень. Нет на них чугунных досок «Памятник архитектуры. Охраняется государством». И все же обыкновенная изба русского крестьянина может поведать нам и о бытовом укладе наших предков, и о замечательной художественной одаренности народа, сумевшего простую избу поднять до уровня выдающихся памятников деревянного зодчества.

Щит Родины

**НАДВРАТНАЯ БАШНЯ
ЯКУТСКОГО ОСТРОГА
(ЯКУТСКАЯ АССР);
КОНСТРУКЦИЯ ШАТРА**

Гром первых пушек означал конец эпохи деревянного оборонного зодчества: сложные из бревен стены и башни не выдерживали пушечных ядер. Поэтому уже в XV—XVI веках на месте старых деревянных крепостей вырастают новые, каменные. Десятки больших и малых войн, сотни пожаров, осад и штурмов пронесли над многострадальной Россией. В XVII и особенно в XVIII веке деревянные крепости уже не могли устоять перед новой военной техникой. На смену им пришли сложные фортификационные сооружения из камня. Вскоре лишь две-три ветхие полуразвалившиеся башни да прочная, цепкая память народная хранили воспоминания о «золотом веке» деревянного оборонного зодчества. И только в далекой таежной Сибири уцелело от тех времен несколько замечательных деревянных крепостей — острогов. Они были построены в XVII веке потомками легендарного покорителя Сибири Ермака, отважными русскими землепроходцами, прокладывавшими путь на Амур и к Тихому океану. Вскоре, однако, и они утратили свое военное значение и превратились в те самые тюремные остроги, о которых в народе сложено так много печальных песен.

Но и сейчас, под заступом археолога, неожиданно ярко полыхнет осколок далекой истории, отсвет тех трудных и славных лет, когда отважные русские казаки-землепроходцы проникали в самые отдаленные, почти недоступные края суровой Сибири, утверждая там силу и могущество Московской Руси.

...Летом 1969 года большая археологическая экспедиция, а месяцем позже и автор этой книги направились на север Сибири, в один из отдаленных уголков северо-восточной Якутии. Маршрут пролегал через Якутск и Лену, к среднему течению реки Индигирки, стремительно несущей свои воды через бурные пороги, или шиверы, как называют их в Сибири. Там, за дале-

**БАШНЯ ИЛИМСКОГО
ОСТРОГА (ИРКУТСКАЯ ОБЛ.)**

**БАШНЯ БРАТСКОГО
ОСТРОГА (ИРКУТСКАЯ ОБЛ.)**

**БАШНЯ
БРАТСКОГО ОСТРОГА
В МУЗЕЕ «КОЛОМЕНСКОЕ»
(МОСКВА)**

**НАДВРАТНАЯ БАШНЯ
НИКОЛО-КАРЕЛЬСКОГО
МОНАСТЫРЯ В МУЗЕЕ
«КОЛОМЕНСКОЕ» (МОСКВА)**

кими шиверами, за Полярным кругом находился старинный русский город-крепость Зашиверск, построенный в 1636—1638 годах отрядом казаков-землепроходцев и служивший административным, торговым и культурным центром всего Колымо-Индигирского края. Город вымер где-то в двадцатых годах XIX века: эпидемия черной оспы погубила все его население, тогда уже немногочисленное, и с той поры в нем никто не поселялся. Страшный призрак «черной бабушки» отпугивал каждого от этого места, и редкие смельчаки отваживались на дорогу через опасные пороги. Все здания этого древнего и когда-то процветавшего города, крепостные стены и башни, служебные, жилые, хозяйственные, промысловые и прочие постройки с годами ветшали, рушились, гнили... Ныне о них напоминают лишь невысокие бугры, заросшие густым бурьяном, две-три полуразрушенные клетки, коновязь да размытая речной протокой часть кладбища. Проезды и улицы заболотились, следы планировки стерлись; все заросло мхом, кустами и деревьями, слилось с окружающим ландшафтом. И на этом печальном фоне запустения, словно бросая вызов времени, гордо возвышается только одно сохранившееся здание умершего города — Спасо-Зашиверская церковь второй половины XVII века, драгоценный памятник русского народного зодчества, единственный в своем роде памятник русской культуры и героической истории освоения Сибири. Город и церковь стояли на удобном открытом месте, на самом берегу, там, где Индигирка делает крутой поворот и образует большой низменный полуостров, надежно защищенный от северных ветров полукольцом высоких сопок. В общем силуэте застройки Зашиверска церковь занимала господствующее положение и служила композиционной осью, вокруг которой формировался архитектурный ансамбль центральной части города. Кроме церкви в этот ансамбль входила бревенчатая крепость с угловыми и прясельными баш-

ФРАГМЕНТЫ ОГРАДЫ
ИЛЬИНСКОГО ПОГОСТА
(КАРЕЛЬСКАЯ АССР)

нями, отдельно стоящая шатровая колокольня, служившая одновременно и проездной башней, большой памятный крест под навесом, жилые и хозяйственные постройки внутри и за пределами крепостных стен.

Контуры Зашиверской крепости прояснились, когда археологам повезло обнаружить под слоем заповянного мха и ила, в вечной мерзлоте сибирской тундры параллельную кладку из бревен — основание рубленой стены, тянувшейся до самой реки, а также фундаменты и полы еще двух древних крепостных башен. Немного воображения, и вот уже на широком мысу, почти вкруговую опоясанном бурной Индигиркой, возникает казачий город-крепость, оплот и символ господства Московского государства. Мощные рубленые стены, сторожевые башни, окованные железом ворота крепости, увенчанные высоким, стройным шатром проезжей башни-колокольни, а там, за стенами, виднеется главка чудесной деревянной церкви...

В старину вся Русь была покрыта такими крепостями. Город в древней Руси — это прежде всего крепость, защищенная словно кольчугой война кольцом мощных стен и башен. Еще в дохристианскую эпоху восточные славяне окружали свои поселения оградой из вертикально поставленных бревен с заостренными концами. Более поздние укрепления, известные, впрочем, уже в XI веке, представляли собой бревенчатые срубы, заполненные землей и камнями.

Страна не знала покоя. Войнственные соседи, княжеские междоусобицы, нашествия могущественных народов с Востока и Запада не позволяли ей надолго вложить свой меч в ножны. И русский крестьянин-плотник, и каменщик брался за топор и мастерок и возводил крепости. Само слово «город» означало тогда укрепленное место. Даже когда появилось огнестрельное оружие и артиллерия, строительство деревянных крепостей прекратилось не сразу.

Башни и мощные бревенчатые стены еще долго противостояли натиску вражеских войск. Так, в конце XVI века на южной границе Московского государства выросла сильная оборонительная линия из деревянных крепостей; строились тогда же крепости и на берегу Белого моря, и в Поволжье.

... Ранней весной 1551 года в угличских лесах на Ярославщине гулко ухали топоры: валились вековые, прямые, как стрелы, сосны, густо пахнущие янтарной смолой. Лесорубов сменили плотницких дел мастера. Под присмотром царского дьяка Ивана Выродкова, руководившего всеми работами, тесали бревна, рубили из них стены, ладили ворота, ставили и снова разбирали высокие башни. А когда прошел волжский лед, еще студеной, но чистая река понесла плоты вниз по течению.

Их уже ждали неподалеку от места, где в Волгу впадает ее приток Свияга, напротив Казани, столицы непокоренного ханства. Уже не раз русские войска стояли под ее стенами, но волжская твердыня казалась неприступной. Царь понимал, что овладеть ею будет трудно без опорного пункта. Таким плацдармом стала крепость Иван-город, названная впоследствии Свияжском. Но как строить ее в непосредственной близости от Казани, буквально под огнем сильных и многочисленных врагов? Выход нашел талантливый русский «городелец», или, как сказали бы сейчас, военный инженер Иван Выродков.

Безобидные на первый взгляд плоты вошли в устье Свияги, и за четыре недели на глазах ошеломленного хана поднялась мощная русская крепость со стенами из длинных бревен, семью оборонными башнями, пушками, «брусяными» воротами. В крепости засели русские войска, а спустя год они штурмом взяли Казань.

Здесь еще раз пригодилась уловка сметливого и изобретательного «городельца». В укрытом от врагов месте русские построили 13-метровую башню и незаметно

**ОГРАДА ПОЧОЗЕРСКОГО
ПОГОСТА
(АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛ.)**

**ОГРАДА КИЖСКОГО
ПОГОСТА
(КАРЕЛЬСКАЯ АССР)**

**БАШНЯ БЕЛЬСКОГО
ОСТРОГА**

подтянули ее к Арским воротам Казани. В одну ночь башня была собрана, установлена, оснащена пушками и осадными орудиями. Меткий огонь пушкарей открыл путь стрелецким полкам. Казань пала, и вся Волга, от ее истоков до Астрахани, стала русской рекой.

Для своего времени деревянные крепости были грозными сооружениями, и сторожевые башни являлись неперемненными элементами пейзажа тех беспокойных лет. Обычно крепостные стены рубили «тарасами»: две параллельные стены через каждые шесть—восемь метров соединялись поперечными стенками, а образовавшиеся таким образом клетки заполняли землей и камнями. Поверх настилали бревенчатый пол, а в самих клетях прорубали небольшие окна-щели — бойницы нижнего боя. Для защиты воинов от стрел, ядер и пуль на стенах устраивались брустверы — «обламы»; рубились они на выпускных консолях из бревен поперечных стоев, укреплялись перемычками и покрывались сверху двухскатными кровлями. Бойницы были в них прорублены со скосом вниз, чтобы увеличить площадь обстрела, а в полу делали «стрельницы». через которые горячей смолой, кипятком и всеми другими доступными средствами поражали врага, прорвавшегося к крепостным стенам.

Основным элементом крепости были башни. День и ночь наверху стояли дозорные; здесь же устанавливались пушки, хранились припасы и вся боевая снасть. Такие башни устанавливали по углам крепости и в стенах, а в центральной башне, надвратной или проезжей, устраивались мощные и хорошо защищенные ворота.

Сторожевые и крепостные башни строили на Руси с древних времен и вплоть до конца XVII века. По форме они были разные — квадратные в плане, шести- или восьмиугольные, «круглые», как их тогда называли. Башни, как правило, были двухъярусные, с нижним и верхним боем, нередко с бруствером из теса над воро-

тами, сделанными в виде крытого балкона. Из всех разнообразных форм боевых башен наиболее удачной с точки зрения не только утилитарной, но и художественно-эстетической, была восьмигранная, а самым простым, целесообразным и выразительным видом покрытия такого восьмерика явился шатер, на вершине которого обычно устраивалась дозорная вышка.

Почти ни одна из этих сторожевых башен не дошла до нас. Но самый образ суровой, стройной и неприступной башни не исчез бесследно, а претворился во множестве шатровых церквей и колоколен. Он остался в арсенале народного зодчества; более того, стал излюбленным и широко распространенным приемом прежде всего потому, что нес в себе огромное идейно-общественное содержание, обладал большим зарядом эмоционального воздействия.

Тем больший интерес представляют сохранившиеся в Сибири остатки мощных деревянных крепостей XVII века. Когда-то их было немало разбросано на обширных просторах Сибири: Пелым, Тобольск, легендарная Мангазея «на краю света» — за Полярным кругом, Якутск, Братск, Илимск... Их неприступные стены и сторожевые башни, невиданные ранее в Сибири церкви и дома олицетворяли могущество русского человека, прочно утвердившегося от Урала до Тихого океана не только силой оружия, но и благодаря высокой культуре, поразительному трудолюбию хлеборобов, таланту и умению зодчих и строителей.

Немного осталось от тех времен — по одной угловой башне в Илимске и Бельске, две в Братске на Ангаре (одна из них перенесена в Коломенское под Москвой) да надвратная башня Якутского острога (ныне на территории местного краеведческого музея).

Острог в Якутске состоял из двух крепостных стен — внешней и внутренней, опоясывающей комплекс сооружений, подобный древнерусским детинцам или кремлю. Построен он русскими казаками в 1683 го-

ду при воеводе Приклонском. Еще недавно, в начале XX века, здесь стояли три башни внутренней крепости, соединенные между собой прясами-террасами. Сейчас сохранилась лишь надвратная башня внешнего кольца стен — великолепное в своей первозданной силе и красоте деревянное сооружение очень простой и цельной формы, рубленное из крупных прочных бревен. Крутая четырехскатная кровля, крытый балкон над воротами, венчающая сторожевая башня — все это создает выразительный архитектурный образ.

Явственные отголоски крепостного деревянного зодчества видят и в оградах северных монастырей и погостов, кое-где уцелевших и до наших дней. Если в былые времена эти ограды принимали на себя натиск врагов, то впоследствии они утратили это назначение. Стены, башни, ворота и другие традиционные формы оборонной архитектуры нередко повторялись здесь в уменьшенном масштабе и далеко не в столь грозном виде. Первоклассным памятником народного деревянного зодчества является надвратная башня Пиколо-Карельского монастыря, сохранившаяся близ Архангельска на берегу Белого моря, построенная в 1691—1692 годах и перевезенная в музей «Коломенское». Хотя, на первый взгляд, она очень близка к боевым башням —верху облом, шатер со смотровой вышкой, но многие архитектурные и конструктивные особенности сводят на нет все ее оборонительные достоинства и делают эту башню весьма мирным сооружением, лишь украшавшим главный въезд в монастырь.

Колокольные звоны

*ЦЕРКОВЬ В СЕЛЕ ЛЯВЛЯ
(АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛ.)
(с. 114)*

*ЦЕРКОВЬ И КОЛОКОЛЬНЯ
В СЕЛЕ ЯНДОМОЗЕРО
(КАРЕЛЬСКАЯ АССР)*

*ЦЕРКОВЬ ЛАЗАРЯ ИЗ
МУРОМСКОГО МОНАСТЫРЯ
В КИЖАХ*

ФРАГМЕНТ ЕЕ СРУБА

Стоят древние церкви на Руси. Давно умолкли их колокола, не слышно ни торжественного благовеста, ни хрустального перезвона, ни трагического набата. Но в безмолвных зданиях оживают страницы истории, пронизанные горячей мыслью народа, его порывами и страстями, горем и надеждами. Это памятники былого и прежде всего памятники искусства, национальной культуры. Каково бы ни было прямое, практическое назначение этих зданий, художественное, образное начало их никогда не ограничивалось культовой обрядностью. Вот, к примеру, Лазаревская церковь из бывшего Муромского монастыря на юго-восточном берегу Онежского озера, перенесенная ныне в Кижский музей народного деревянного зодчества. Это один из самых древних среди сохранившихся до наших дней памятников архитектуры русского Севера. Построена она, по всей вероятности, в конце XIV века.

Лазаревская церквушка, а иначе ее и не назовешь, невелика: менее девяти метров в длину, три с половиной в ширину. И тем не менее она не проигрывает даже в непосредственной близости с громадными церквями Кижского ансамбля. Наоборот, после их масштабов и ошеломляющего богатства форм глаз как бы отдыхает на утонченной простоте Лазаревской церкви, ее бесхитростном, чуть наивном изяществе.

Перенесемся мысленно на шестьсот лет назад и попытаемся представить себе, как известный русский плотник, один из тех новгородских землепроходцев или их потомков, что навсегда осели в полюбившемся им привольном Заонежье, пришел в Муромский монастырь.

Заложил он сначала фундамент из валунов, уложенных насухо, потом срубил небольшую квадратную избу-клеть — три метра на три. С запада пристроил сени из теса, с востока — алтарную часть. Каждую клеть перекрыл двухскатной кровлей (такой простейший тип церкви назывался «клетским»). Существовал он с древнейших

КОЛОКОЛЬНЯ В СЕЛЕ
КУЛИГА
(АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛ.)

ЦЕРКОВЬ В СЕЛЕ
БЕЛАЯ СЛУДА
(АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛ.)

КОЛОКОЛЬНЯ В СЕЛЕ
ЦИВОЗЕРО
(АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛ.)

времен и вплоть до начала XIX века, а встречался преимущественно среди сельских церквей и особенно часто среди придорожных часовен). На среднюю, самую высокую часть церкви строитель поставил маленькую луковичную главку с крестом, возвышающимся над землей всего на шесть метров. Затем прорубил небольшие оконца, задвигающиеся деревянными ставнями, затянул их бычьим пузырем, поставил в алтаре двухъярусный иконостас на несколько икон. И все.

Церковь была готова. Маленькая, скромная, неприметная с виду, можно сказать, убогая сельская церквушка, больше смахивающая на амбар, крестьянскую избу или лесную сторожку, чем на «храм божий». Недаром такие церковки в народе называли «амбаронками». Но эта церковка, нехитрое создание русского плотника, творившего «жилище бога» по образу и подобию своего, стала произведением большого искусства: столько в ней мастерства, вкуса, очень точной соразмерности, той особой духовности, которая присуща не ремеслу, но искусству.

Художественный образ Лазаревской церкви был бы неполным без ее внутреннего убранства. Современных ей икон, правда, не сохранилось, но в маленьком иконостасе — не в четыре, как это принято, ряда, а всего в два — и доныне есть несколько икон XVI—XVII веков. Особенно хороши иконы деисусного чина — прекрасные образцы северного письма, чистые, непосредственные и эмоциональные. По столбикам царских врат выются прихотливые, словно небрежные линии красивого орнамента, характерного для народного искусства северных областей.

Церкви и часовни, подобные Лазаревской, в свое время были широко распространены по всей древней Руси. Сейчас их остались считанные единицы; недолгий век их был не намного дольше обычной крестьянской избы или амбара. Но историко-художественное значение та-

*ЦЕРКОВЬ В СЕЛЕ ВАРЗУГА
(МУРМАНСКАЯ ОБЛ.)*

ких памятников велико. Они позволяют нам сквозь толщу веков разглядеть маленький, но чистый родничок народного творчества, разлившийся в полноводный поток искусства деревянного зодчества, являющего картину необычайного богатства и многообразия архитектурных форм. Переход от клетского типа культовых зданий к шатровому зодчеству XVI—XVII веков можно проследить на примере Никольской церкви в селе Лявля (неподалеку от Архангельска). Этот один из древнейших памятников северной деревянной архитектуры датируется 1589 годом. К сожалению, подлинный образ лявлянской церкви был в значительной мере искажен позднейшими переделками XIX столетия. Но даже сейчас она производит сильное впечатление. Кому довелось видеть ее в натуре, тот уже не забудет речных просторов, холмистого берега Двины, поросшего кустарником, широкого и массивного шатра церкви, возвышающегося над небольшой рощицей. В лявлянской церкви нет еще стремительной легкости столпообразных шатров, их мужественной красоты и своеобразного изящества; однако исчезает уже и «будничность», «заземленность» древних клетских церквочек. Это еще не взлет, но порыв к полету, его осознанное предчувствие...

Пройдет еще немного времени, и в лучших памятниках шатрового деревянного зодчества XVII—XVIII веков, таких, как величественная Владимирская церковь в селе Белая Слуда на Северной Двине (1642), возвышающаяся над землей на сорок с лишним метров, или Кемский собор (1714), современник и достойный собрат знаменитой Преображенской церкви в Кижях, церкви в Кондопоге или Верхней Уфтьеге, во всю силу прозвучит героическая тема русской народной архитектуры.

Шатер — суживающаяся кверху четырех-, шести- или восьмигранная пирамида — очень простая и целесообразная форма покрытия деревянного сруба. Конструктив-

ную основу такого шатра составляет пирамидальный бревенчатый сруб, связанный «в лапу», т. е. без «остатка», и опирающийся на нижние концы слегка выгнутого повала. В церквах шатер завершался главкой, луковкой, стоящей на небольшом барабане и покрытой деревянной черепицей-лемехом.

В России шатер появился очень давно и, по-видимому, сначала в оборонном зодчестве, и лишь потом перешел в культовую архитектуру. Во всяком случае летопись XIV—XV веков упоминает о «высоки велими» шатровых храмах.

Пройдя длительный путь развития от утилитарного приспособления для защиты сторожевой башни от дождя, снега и ветра до архитектурно-художественного завершения, шатер прочно утвердился во всем древнерусском зодчестве, в частности в деревянном, и занял в нем едва ли не главенствующее положение.

Образ сторожевой крепостной башни с ее суровым и неприступным силуэтом, олицетворяющим спокойствие, безопасность и независимость страны, имел, несомненно, большое влияние на эстетическое мировоззрение народа и был исполнен для него глубоко патриотического смысла. Этот образ был затем перенесен в культовое, храмовое зодчество и сделался излюбленным именно потому, что нес в себе огромное идейно-общественное содержание. В этом впечатляющем архитектурном образе словно собрались и своеобразно преломились сила народа, его чаяния и неодолимая воля к свободе и национальной независимости, к мирному созидательному труду. Поэтому шатер получил такую популярность и почти повсеместное распространение в древнерусском зодчестве, стал в некотором роде его олицетворением и символом.

На краю деревни Цывозеро на Северной Двине стоит колокольня. Прямо на земле восьмиугольный сруб, примерно на двадцать пять — тридцать венцов из темных,

*ЦЕРКОВЬ В СЕЛЕ ВАРЗУГА
(МУРМАНСКАЯ ОБЛ.)
(стр. 129—131)*

ИКОНОСТАС

«ПРАЗДНИЧНАЯ» ИКОНА

*СОБОР В КЕМИ
(КАРЕЛЬСКАЯ АССР)
(стр. 134)*

ТРАПЕЗНАЯ СОБОРА

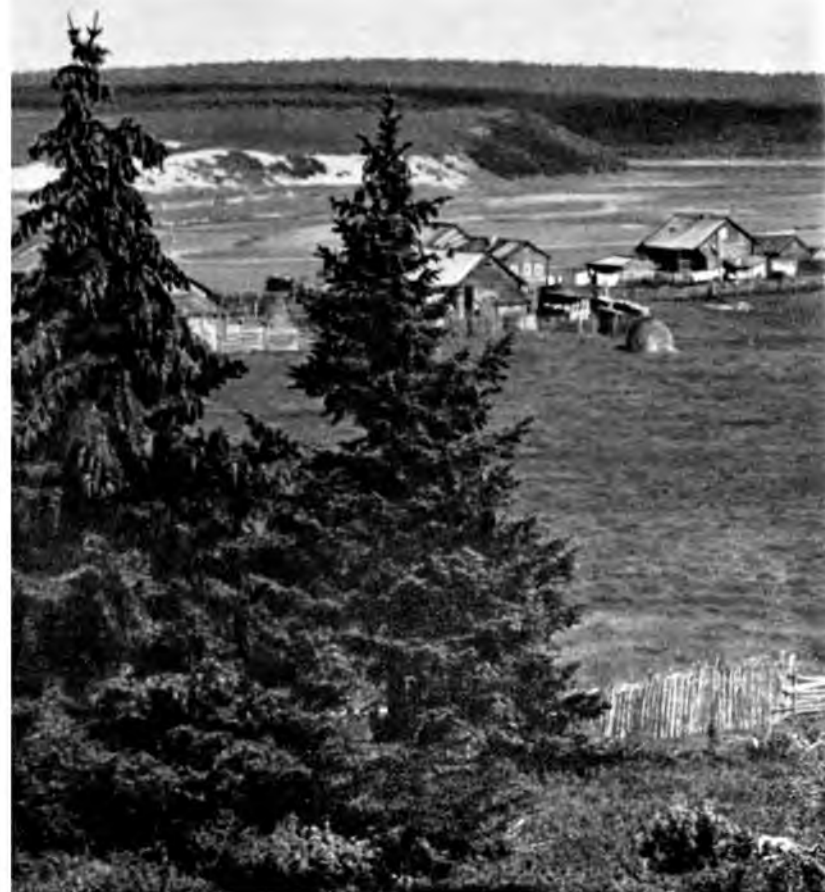
крепких бревен. Наверху сруб несколько расширяется, образуя традиционный повал, а по углам на нем поставлены столбики, поддерживающие зубчатую полицу и шатер, увенчанный небольшой главкой. Превосходно найденные, а вернее, очень точно угаданные пропорции создают выразительный силуэт, в котором как бы воедино спаяны ощущения чисто крестьянской основательности и силы, идущей от земли, с возвышенной устремленностью вверх стройных форм.

Мы не найдем здесь изощренного, виртуозного мастерства строителей. Бревна тесаны словно нарочито небрежно, грубо; их выступающие концы одни длиннее, другие короче. Но быть может именно эта непринужденность, действительно случайная и непреднамеренная «корявость» и придают цивозерской колокольне неповторимое своеобразие подлинно народного примитива, редкостную пластичность и то обаяние старины, подделать которое невозможно. Рисунок здания начертан не под линейку и отвес, не бесстрастными линиями чертежа, а живым, трепетным и неровным штрихом художника. Через три с лишним столетия (колокольня построена в 1658 году) мы живо представляем себе безвестного двинского плотника, оставившего добрый след на своей земле.

Еще старше колокольня из Кулиги Драковановой; она датируется XVI веком. Эта колокольня имеет много общего с цивозерской, но более грациозная, стройная и утонченная по своим пропорциям.

Высокий восьмерик покоится здесь не на земле, как в Цивозере, а на широком, приземистом срубе-четверике. На этом постаменте возвышается звонница с традиционным расширением вверху, открытой галереей и шатром строгой и благородной формы. Ажурные резные столбики и зубчатые карнизы подчеркивают цельные, нерасчлененные массы архитектурных объемов, усиливая общее впечатление горделивой, несколько суровой неприступности.

*ЦЕРКОВЬ В СЕЛЕ
ВЕРХНЯЯ УФТЮГА
(АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛ.)*

Если бы не главка с крестом, то колокольную можно было бы принять за одну из тех сторожевых башен, которые в старину охраняли древние русские города и села. Во всяком случае, это их «родная сестра»; в ее образе явственно проступают черты мужественной строгости и воинской простоты. И в то же время улавливаются легкие изящество и душевная теплота.

Колокольня из Кулиги Драковановой — один из древнейших примеров архитектурной схемы «восьмерик на четверике», ставшей излюбленной и наиболее распространенной среди северных шатровых храмов XVII—XVIII веков. Характерным образцом этого типа может служить церковь Яндомозерского погоста, построенная в 1650 году. Несмотря на некоторые искажения первоначального облика, особенно интерьера, — печальные следы перестройки XIX века, — Яндомозерская церковь с ее нарядным двухвходным крыльцом и суровой шатровой колокольной — воплощение самобытных эстетических идеалов наших предков. В ней — целое мировоззрение, выраженное в художественных образах, мировоззрение, в котором опосредованно отразился процесс становления и укрепления единого русского государства.

Успенская церковь в деревне Варзуга затерялась в тридцати километрах от берега Белого моря, на далеком Терском берегу Кольского полуострова. Когда-то сюда доходили владения Новгорода Великого: варзугская семга приносила немалые прибыли предприимчивым новгородским купцам. Позже эти места становятся угодьями Соловецкого монастыря. В середине XVII века московский царь, противопоставляя чрезмерному усилению монастырей, конфискует некоторые земли Соловецкой обители, и в том числе Варзугу. А еще через несколько лет здесь возводится замечательная Успенская церковь, сохранившаяся до наших дней.

Величаво и горделиво стоит храм, подчиняя себе окружающую среду: деревню, пустынные луга, берег студеной реки.

ФРАГМЕНТ СРУБА

ЦЕРКОВЬ В СЕЛЕ
КОНДОПОГА
(КАРЕЛЬСКАЯ АССР)

ТРАПЕЗНАЯ

Все выше поднимаются ступенями ярусы бочечных завершений, на них покоится бревенчатый восьмерик, и вот уже в самое небо взметнулся 34-метровый (!) шатер. Его стремительный и монолитный силуэт служит доминантой всей округи. Идеи единства и высотности, воплощенные средствами архитектурного искусства, утверждали в сознании людей нерушимую мощь Москвы, сплотившей в единой державе близкие и далекие русские земли.

Многое в варзугской церкви свидетельствует о теснейших творческих связях северного деревянного зодчества с московской архитектурой XVI—XVII веков. Это — и ступенчатый переход ярусов к шатру, и решение интерьера с великолепным резным иконостасом 1677 года, и весьма определенные аналогии со знаменитым каменным шатровым храмом в Коломенском под Москвой (1532) — летней резиденции московских князей, и ряд строительных приемов, характерных для московских мастеров. Это вполне закономерно. Ведь северная народная архитектура всегда была не одиноким древом, а лишь ветвью общенационального искусства.

Именно поэтому значение культового деревянного зодчества далеко выходит за рамки функционального назначения. В его образах выражены не узкосословные каноны официальной церкви, а общенародные представления о мире и красоте, возвышенные патриотические идеалы народа, его самоотверженная и героическая борьба за единство и независимость родной страны. Это подтверждает и вся история северного деревянного зодчества и, в частности, замечательные памятники XVIII века — Успенский собор в Кемь, ансамбль Кижского погоста, церковь в Кондопоге и др. Успенский собор в Кемь (1711) — монументальное сооружение, часть исторически сложившегося архитектурного ансамбля. По своему типу, композиции, конструктивно-строительным приемам, наконец, по художественно-образному строю — это на-

**ЦЕРКОВЬ В СЕЛЕ
СПАС-ВЕЖИ
(КОСТРОМСКАЯ ОБЛ.)**

**ЦЕРКОВЬ В СЕЛЕ КОВДА
(МУРМАНСКАЯ ОБЛ.)
(стр. 144—145)**

СТОЛБ ТРАПЕЗНОЙ

«ПРАЗДНИЧНАЯ» ИКОНА

стоящая энциклопедия северного народного деревянного зодчества начала XVIII века. В архитектуре Кемского собора, так же как и Преображенской церкви в Кижях и некоторых других памятников того же времени, нашел своеобразное отражение тот общественный подъем, который был вызван к жизни победоносным ходом Северной войны. В формах деревянного культового зодчества народ выражал идеи самодостойнства и высокого национального достоинства.

Этот возвышенный, героический образный лад, чуть смягченный весьма скупым, хотя и выразительным декором, пронизывает все здание собора в Кеме от первого венца до шатровой главки, покрытой лемехом. Мощный четверик нижнего сруба, на нем более облегченный восьмерик, слегка расширяющийся кверху, резкий излом полицы, и, наконец, свободное, ничем не прегражденное движение вверх по крутому склону шатрового перекрытия, увенчанного изящной главкой с крестом, — все это строго подчинено единой архитектурной идее. Ей же подчинены и контраст сквозной резьбы подзоров со спокойной, неторопливой ритмичкой бревенчатого сруба, и пятигранная алтарная апсида с боковой плавной и энергичной рисунком. Каждая пластическая деталь, каждая линия преисполнены внутренней силой, уверенной в себе и потому не нуждающейся в поверхностной декорации.

Великолепно решено и двухмаршевое крыльцо Кемского собора, перекрытое пологой кровлей на резных столбах. Радужное, гостеприимное, наполненное воздухом и светом, оно, казалось бы, должно нарушать общее впечатление от столь монументального и внушительного сооружения. А между тем, привнося в основную архитектурную тему собора жизнерадостную, мажорную ноту, крыльцо лишь усиливает эту тему: сообщает ей полифоническое богатство оттенков и вариаций. В то же время крыльцо стало своего рода

ЦЕРКОВЬ В ГОРОДЕ
ИВАНОВО

архитектурной увертюрой к интерьеру собора, его громадной трапезной с двумя богатырскими столбами. В этой трапезной, как и во всем облике собора, но с еще большей силой ощущается эпичность, широким размахом помора, для которого простор и простота дороже любых замысловатых украшений.

С Успенским собором в Кемии перекликаются многие выдающиеся произведения северного деревянного зодчества XVII—XVIII веков. Можно было рассказать и о древней церкви Петра и Павла в Челмужах (1605), и о замечательном ансамбле Водлозерско-Ильинского погоста с его уникальной оградой (1798), и о Турчасовском погосте, очень своеобразном пятиглавию Троицкой церкви в селе Ненокса, церквях и колокольнях в Чухчерье на Северной Двине и многих, многих других прекрасных творениях народных зодчих, которыми и по сей день так богат русский Север. Но хотелось бы подробнее остановиться на тех памятниках, в которых главная тема северной народной архитектуры прозвучала с наибольшей силой и выразительностью. Один из них — церковь Дмитрия Солунского (1784) в селе Верхняя Уфтюга на притоке Северной Двины.

Низменная ровная долина. Лениво течет река, весной широкая, многоводная, в летний зной совсем мелкая — каждый камушек на дне виден. Вокруг леса — пойменные луга. Деревянные избы стоят словно громадные валуны в зеленом прибое. Между ними серой лентой вьется дорога, а в центре села — площадь с церковью по середине. От земли до креста — сорок метров! На много верст кругом виден побуженный от времени шатер с главкой.

Подходим ближе и уже не освободиться от власти этого необыкновенного сооружения. Такие грандиозные шатры, пожалуй, трудно сыскать в деревянных церквях. По высоте он составляет не менее половины всего здания: дух захватывает, когда скользишь взглядом по склону шатра, уходяще-

*ЦЕРКОВЬ ИЗ СЕЛА
ГЛОТОВО В СУЗДАЛЕ
(ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛ.).*

*ЦЕРКОВЬ В СЕЛЕ ВИРМА
(КАРЕЛЬСКАЯ АССР)*

*ЦЕРКОВЬ ИЛЬИНСКОГО
ПОГОСТА
(КАРЕЛЬСКАЯ АССР)*

го прямо в небо. Собственно вся церковь это гигантский монолитный пьедестал для шатра-обелиска.

Нижний мощный четверик служит прочным, надежным основанием этого пьедестала. Его венцы идут все выше и вполне естественно переходят в сруб сравнительно невысокого восьмерика: четыре из его восьми стен служат непосредственным продолжением сруба четверика. Этот восьмерик, углы которого рублены с большим наружным остатком бревен, словно пружинит под тяжестью громадного шатра; расширение восьмерика, поддерживающего наверху сильно выступающий вперед повал, — это последнее усилие... И вот уже стремительно уходят ввысь восемь граней шатра.

Захватывающее зрелище являет нам шатер не только снаружи, но и изнутри. В отличие от всех других сохранившихся шатров он весь, от низа до шейки главки, рублен без всяких промежуточных связей, ходов, балок, стропил. Эта идеальная чистота конструкции обернулась своеобразной художественной выразительностью: венцы шатра сокращаются в перспективе и в высоте тонут в зыбкой полутьме.

Церковь в Верхней Уфтюге — это храм-памятник, храм-баня. Не случайно она посвящена святому воину Дмитрию Солунскому — защитнику родной земли. Но и вне зависимости от этого образ ее невольно связывается с народным представлением о мужестве, душевной чистоте и богатырской силе русского ратника.

Величественность и торжественность впечатления не снижается и не нарушается ни единой лишней деталью. Чтобы сохранить монолитность вертикальной композиции, строители отказались от трапезной, заменив ее легкой галереей-сенями, «висящей» на бревенчатых кронштейнах. Ее стены забраны тесом «в елку», и их гладкая поверхность, изменяющая от солнечных бликов, великолепно контрастирует со спокойным, несколько сумрачным ритмом

*ЦЕРКОВЬ В СОЛОВКАХ
(АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛ.)*

*ЦЕРКОВЬ ШИРКОВА
ПОГОСТА
(КАЛИНИНСКАЯ ОБЛ.)*

*ЦЕРКОВЬ В СЕЛЕ
ПЕРМОГОРЬЕ
(АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛ.)*

бревечатого сруба. С востока — пятистенная алтарная пристройка, покрытие которой завершается небольшой бочкой с маленькой главкой.

Таких церквей здесь, на Севере, в свое время было немало. Всего несколько лет назад в старинном селе Белая Слуда (не подалеку от Верхней Уфтьюги) стояла сгоревшая от удара молнии еще более грандиозная 45-метровая шатровая церковь Владимирской богородицы, построенная в 1642 году. И, наконец, одно из самых совершенных творений всей русской народной архитектуры — Успенская церковь в Кондопоге.

...Куда ни глянешь — вода, камни, леса. Совсем низко над озером стелется чайки. Сумрачный, темно-синий, почти черный лес зубчатой оградой заслонил дальний берег. Косые лучи солнца зажгли верхушки деревьев, а в озере чуть-чуть колышутся отражения багровых облаков. Вечерний ветерок доносит терпкий запах озера, мокрых валунов, сосновой хвои. Вот в последний раз вспыхнуло заходящее солнце, скользнуло слабейшим лучом по лесу и погасло...

А когда загорается заря и отдохнувшее, омытое росой светило медленно поднимается над озером, то перед нами предстает удивительная картина — в чистое утреннее небо взметнулось стройное, легкое, сильное, словно рожденное единым росчерком великого художника здание. Это Успенская церковь в Кондопоге, стоящая на берегу Чула-губы северо-западного залива Онежского озера, построенная в 1774 году.

Время возникновения этого выдающегося памятника — сложный, противоречивый, драматичный, но и знаменательный период русской истории — блистательные победы над внешними врагами и взрыв пародического гнева, вылившийся в восстание Пугачева, мощный хозяйственный подъем страны и катастрофическое обнищание крепостного крестьянства, идеологическое на-

ЦЕРКОВЬ В СЕЛЕ
БОГОСЛОВСКОЕ
(ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛ.)

КЛИРОС

ФРАГМЕНТ ИКОПОСТАСА

ступление дворянства и неодолимый взлет национального самосознания. Это была эпоха последнего расцвета народной деревенной архитектуры. Именно тогда на русском Севере возникают чудесные шатровые храмы и часовни в селах Кондпогорье (1752), Ростовском (1755), Верхняя Уфтуга (1784), Песокса (1763), Кавгоре и, наконец, в Кондопоге.

Удивительная и единственная в своем роде Кондопожская церковь. Собственно, в ней почти нет ничего, что кардинально отличало бы ее от других северных шатровых церквей, и все же равных ей нет. Как в фокусе собрались здесь лучшие черты народного зодчества. Ни одно сооружение, поставленное позднее, уже не могло сравниться с Успенской церковью.

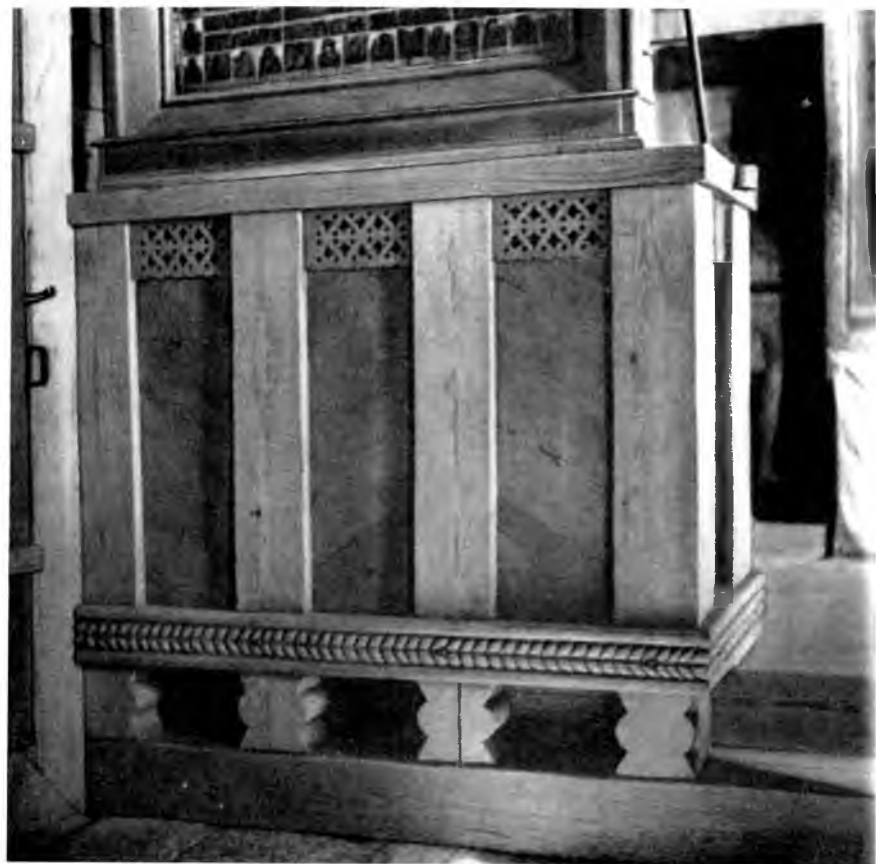
А между тем в ней нет ни сложной, поражающей воображение композиции архитектурных форм, ни феерического многоглавия, ни затейливого декора. Быть может, иным она покажется даже слишком скромной и «бедной». Но простота оборачивается таким величием и монументальностью, которые впечатляют куда сильнее самых искусных украшений.

Высоко вздымается сруб кондопожской церкви. Бревна громадные, тяжелые. Венец один, второй, третий... десятый... Могучи и перушыми стены, но они живут и дышат: то словно изнутри разгораются ячтарным светом, то будто притаются в прозрачном сумраке.

Сруб четверика поднимает ввысь рубленный восьмерик. И не один, а два — один на другом. Верхний шире нижнего и соединяются они плавным промежуточным повалом. Над ним тянется фронтонный пояс из резных досок. Верхний восьмерик также переходит в повал, еще более энергичный и широкий. А уж на нем 15-метровый шатер, увенчанный главкой с крестом. Это и есть основная вертикаль сооружения, воплотившая его главную архитектурную идею — высотность.

Дерзко и горделиво взметнулась над озером Успенская церковь — на сорок пять

ЧАСОВНЯ В ДЕРЕВНЕ
СЕЛЕЦКАЯ
(КАРЕЛЬСКАЯ АССР)

ЧАСОВНЯ В ДЕРЕВНЕ
ПОДЪЕЛЬНИКИ
(КАРЕЛЬСКАЯ АССР)

метров! Перед ней расстилается безмятежная гладь онежских вод с длинными узкими островками и темной полосой лесистого берега, позади— длинная лента дороги и села, протянувшаяся вдоль берега. В этом окружении церковь кажется еще более высокой и величественной. Уверенно подчиняя себе пространство, она не просто сливается с ним в единый образ, но господствует над ним. Порой даже кажется, что вначале возникла церковь, а уж потом, чтобы дать ей достойную оправу, человек создал и озеро, и берег, и село.

Ни на миг не затихает у ее подножья Онегозеро. Оно — то тихое и ласковое, лениво, будто пехотя, лижут его волны прибрежную гальку; то хмурое, а то и яростное, ревет, и колючий, осенний ветер гонит волны, и они с упорством, одна за другой, бьют в берег у самого сруба.

Но церковь стоит, не дрогнув перед непокорной стихией. И ее силуэт виден на много верст кругом. На нее берут курс рулевые судов, бороздящих Чупа-губу, рыбацкие баркасы, спешащие к спасительным берегам. Не раз уже отчаявшимся было путникам вселял надежду гулкий звон колоколов или яркий свет, вспыхивающий на колокольне Успенской церкви. Церковь-башня и церковь-маяк стала символом человека, чья разумная добрая сила одолела стихию.

Эпическая мощь ощущается в Кондопожской церкви. Но эта сила не тяжелая, не гнетущая, а добрая и приветливая. Здание хотя и суровое, но вместе с тем живописное, легкое, стройное. С востока к основному четверику примыкает прямоугольная алтарная апсида, перекрытая бочкой с главкой, а с западной стороны, выходящей прямо на озеро,— обширная трапезная с сенями под общей двухскатной крышей. Вдоль боковых фасадов трапезной идут два чудесных висячих крыльца.

Архитектура Успенской церкви в Кондопоге вся основана на тонких, художественно осмысленных и очень выразитель-

**ЧАСОВНЯ В ДЕРЕВНЕ
ВОЛКОСТРОВ
(КАРЕЛЬСКАЯ АССР)**

ГАЛЕРЕЯ ЧАСОВНИ

**ЧАСОВНЯ В ДЕРЕВНЕ
СУЙСААРЬ
(КАРЕЛЬСКАЯ АССР)**

пых контрастах. Стремительная вертикаль здания — и бесконечные горизонталь озер и берегов. Цельная масса четверика и легкие висячие крыльца, наполненные воздухом и светом, словно влитые в просторы озера. Пирамида шатра, пронзающего небо, и прямоугольник трапезной, будто вырастающий из земли. Бревенчатый сруб — и скупой, лапидарный, но нарядный декор: фронтонный пояс, резные столбики крыльца, ажурные карнизы. В сочетании, противопоставлении и единстве этих разнообразных элементов рождается яркий, незабываемый образ здания.

Успенская церковь покоряет с первого взгляда — сразу и навсегда. Перед ней стоишь в восторженном удивлении, не в силах оторвать глаз. Это же состояние удивления не покидает и внутри нее, прежде всего в трапезной.

Трапезная кондопожской церкви просторная и очень простая. Попадая в нее, кажется, что это не православный храм XVIII века, а древнее языческое капище наших далеких предков. Вдоль стен тянутся лавки, а потолок опирается на два резных столба. Столбы крепкие, массивные, перетянутые витыми жгутами-перехватами, образующими слегка выпуклые «дышечки». Столбы эти не просто стоят, а несут на себе тяжелое перекрытие, и поэтому в их упругих контурах чувствуется словно мускульное напряжение. От столбов к потолку ответвляются полукруглые фигурные кронштейны — и столбы чудесным образом превращаются в людей с поднятыми вверх руками!

Изображение женщины-богини с поднятыми руками не редкость на различных предметах, найденных археологами при раскопках древних поселений славян-язычников. Это Берегиня, покровительница и заступница людей и зверей. Отголоски культа языческого божества прошли через многие века христианства. И по сей день в народных вышивках северных крестьянок можно встретить Берегиню с двумя

ФРАГМЕНТ ЗВОННИЦЫ

ЧАСОВНЯ В ДЕРЕВНЕ
КОРБА
(КАРЕЛЬСКАЯ АССР)

ЗВОННИЦА

ЧАСОВНЯ В ДЕРЕВНЕ
УСТЬ-ЯНДОМА
(КАРЕЛЬСКАЯ АССР)

ГЛАВКА

всадниками по сторонам. Эти же мотивы, конечно, очень отдаленные и выраженные в особой, специфической форме, неожиданно возродились в столбах трапезной Успенской церкви.

Кижы, Кондопога, Варзуга, Кемь, Верхняя Уфтьюга, Цывозеро, Турчасово... Эти названия о многом говорят любителям и энтузиастам русского зодчества. Это признанная, ныне уже хорошо «освоенная» исследователями и туристами классика народной деревянной архитектуры. А между тем сколько других, быть может более скромных и не столь приметных, но не менее интересных и очаровательных памятников таят в себе просторы Карелии и русского Севера. Надо только свернуть с проезжей дороги на узкие лесные тропинки... Там во множестве встретятся нам небольшие деревянные часовни и часовенки, составляющие особую, еще недостаточно изученную, но увлекательную и значительную тему народного зодчества.

Вот одна из них стоит в стороне от деревни и словно застенчиво прячется в густой тени обступивших ее развесистых елей. Ее основной сруб даже нельзя сравнить с избой — настолько он прост и скромен. Это скорее примитивная банька или лесная избушка северного охотника, даже не претендующая на то, чтобы быть красивой. Но сколько в поэтическом облике этой клетской часовни своеобразия, какой-то интимной теплоты и человечности! И лишь колокольня и сени, пристроенные к ней во второй половине прошлого столетия, чуть-чуть нарушают этот цельный и органичный образ.

Такова часовня в Подъельниках. Куртина высоких елей, выступающая темным силуэтом на левом берегу материка, километра на три-четыре дальше Кижей, — это и есть Подъельники. Сама по себе часовня быть может и не имеет особых архитектурных достоинств. Но в сказочно-чудном окружении, в зеленом кружеве низко свисающих лап трехсотлетних елей, среди

*ЧАСОВНЯ ИЗ ДЕРЕВНИ
ЛЕЛИКОЗЕРО В КИЖАХ*

седых замшелых валунов, рядом с солнечной лесной полянкой, сплошь поросшей цветами, она производит столь же сильное впечатление, как и выдающиеся произведения искусства.

А вот другая часовня стоит открыто, у всех на виду, в самом центре деревни. Она господствует над окружающей ее застройкой, смело и уверенно организуя этот «живописный беспорядок». Так выглядит более крупная по размерам и довольно сложная по формам часовня Петра и Павла в деревне Волкостров (XVII—XVIII века) недалеко от Кижского острова. Часовня окружена нарядным крытым балконом — «гульбищем» с резными столбами и ажурным баласником, очень оживляющим боковые фасады и создающим на них богатую, живописную игру светотени. Крыльцо выходит на площадь деревни, а шатровая колокольня красивого и благородного рисунка играет доминирующую роль в архитектурной композиции здания и всего сельского ансамбля.

С другой стороны Кижского острова, не доезжая до него километра три-четыре, есть деревенька Корба с маленькой часовенкой Умпления богородицы: клеть с главкой па коньке, приземистый четверик, восьмерик с энергичным повалом и узкий, стройный шатер с чешуйчатой главкой и высоким крестом. Сильно выступающие бревна рубленного «в обло» восьмерика придают объему особого рода пластическую выразительность. В миниатюрных масштабах, но тем не менее отчетливо слышатся в ней возвышенные, героические ноты, определявшие образное звучание монументальных шатровых храмов. Поставлена эта часовенка не на площади, как Волкостровская, а на околице деревни, совсем рядом с густым, сумрачным ельником да так, что ее шатер издали не сразу отличишь от елки... Столь же неповторимо своеобразно, накрепко слились с родной землей часовни в Воробьях, Усть-Яндоме и других деревнях «кижского ожерелья».

**ЧАСОВНЯ ИЗ ДЕРЕВНИ
НАВГОРА В КИЖАХ**

КРЫЛЬЦО

Усть-Яндом — один из типичных уголков Заонежья — расположена километрах в десяти от Кижей, там, где в Онегу впадает речушка Яндом. Густые заросли камыша заслоняют берег; то здесь, то там громадные валуны, гладко отшлифованные водой и льдами. Из таких же валунов сложена ограда деревенского кладбища, а посередине его — три раскидистые ели. Возле одной из них — Георгиевская часовня. Шатер часовни, шатры седых елей... Что было раньше: сначала ели, а затем в подражание и созвучие им пирамида шатра или же сначала часовня, а потом посадили ели, кстати сказать, единственные в округе? Трудно найти ответ, но во всяком случае они неотделимы одна от другой. В этот удивительно емкий и цельный образ входят и ели, и шатер, и прекрасная житийная икона северных писем XVII века «Чудо о Георгии и змие» в «местном» ряду резного иконостаса, и колокольня часовни, стоящая прямо на земле и потому особенно легкая и стройная, и маленькие ворота с невысокой кровлей и резными полицами, и ограда кладбища, и поля, избы и амбары деревни, и лодки-кижанки на пологом берегу Онегозера...

Эта органическая связь архитектуры с природой составляет одну из основных и примечательных особенностей русского народного зодчества. Собственно талант строителей, их безупречный вкус и тонкое чутье проявляются еще до того, как срублено первое дерево и заложен первый камень в фундамент. Выбор места для будущего здания всегда был для них глубоко творческим действием; от него часто зависели и характер постройки, и ее композиция, силуэт, высота. Эта связь архитектуры с природой осуществляется по-разному. Иногда здание, будь то церковь, часовня или изба, как бы сливается с природным окружением, иногда словно повторяет очертания ближних деревьев или холмов, а нередко, и наоборот — в резком, обнаженном контрасте архитектуры и природы — подчиняет себе окружающее пространство,

ВОДОСТОК КРЫЛЬЦА

утверждая всемогущую власть человека и его искусства.

Можно было бы еще и еще продолжать наш рассказ о северных часовнях, но остановимся еще только на двух — из Леликозера на Заонежском полуострове и из Кавгоры. Обе они сейчас как характерные и ценные памятники народного деревянного зодчества XVII—XVIII веков перевезены в Кижский музей-заповедник под открытым небом.

Леликозерская часовня архангела Михаила — не уникум, а обычная сельская часовенка, каких немало разбросано на просторах Северной России. Облик ее весьма типичный и в то же время своеобразный и неповторимый.

Первое впечатление — жизнерадостность и какая-то улыбчивость, нарядность и декоративность при всей внешней простоте и конструктивности архитектурного образа. В этой часовне нет ни суровой неприступности оборонных сооружений, ни угрюмой аскетичности больших храмов, ни затейливой мелочности «богатых» церквей позднейших времен. Она как-то по-особому уютна и приветлива; в ее масштабах, пропорциях, в сдержанном, изящном декоре ощущается глубокая человечность, которая была столь присуща безвестным творцам подобных храмов. На восточной части леликозерской часовни, которая значительно выше среднего сруба и пристроенных к нему сеней-трапезной, стоит небольшая главка красивых и благородных очертаний. А сама крыша под ней двухступенчатая. Издали она выглядит так, словно на одну двухскатную кровлю чуть повыше посажена другая такая же кровля с таким же уклоном, такой же ширины и высоты — смелый и довольно неожиданный, но яркий архитектурно-декоративный прием, эффект которого к тому же усилен резными украшениями по обе стороны клетки. Над трапезной возвышается шатровая колокольня. Восьмигранное основание ее завершается сильно развитым повалом и полицей, а

*ЧАСОВНЯ В ДЕРЕВНЕ
ВОРОБЬИ
(КАРЕЛЬСКАЯ АССР)*

*ЧАСОВНЯ В ДЕРЕВНЕ
ЕСИНО
(КАРЕЛЬСКАЯ АССР)*

КРЫЛЬЦО

выше — столбами открытой галереи, снова полицей и небольшим шатром, увенчанным главкой с крестом. А под главкой — словно затухающая в финале мелодия лейтмотива — маленький декоративный поясok. Колокольня, глава и двухступенчатая кровля создают богатый, разнообразный, но единый силуэт всего здания.

Леликозерская часовня органично входит в образную и конструктивную систему северного народного зодчества. Все приемы и детали в ней строго архитектурны и целесообразны, и в то же время она пронизана живым и непосредственным чувством художника, безгранично влюбленного в красоту и многообразие окружающего его мира. Этот эмоциональный лад, присутствующий всему народному творчеству, и ставит леликозерскую часовню в ряд с выдающимися памятниками искусства.

Столь же примечательна по чистоте и завершенности своего архитектурного образа и кавгорская часовня. В основе своей — это довольно скромная по размерам и обычная по формам двухчастная постройка клетского типа, перекрытая двухскатной кровлей. Все детали привычные, будничные, какие можно встретить почти в любой избе северного крестьянина.

Но эта постройка служит лишь основанием, своеобразным пьедесталом шатровой звонницы — ведущей темы часовни. Высоко над землей поднялся стройный столбообразный восьмерик звонницы; его линии просты и энергичны, объем четкий и скульптурно-пластический, пропорции изящны и классически ясны. Наверху этот восьмерик завершается повалом и зубчатой полицей, создающими зрительную опору открытой галереи на восьми резных столбиках и устремленного кверху патра с маленькой главкой на барабане.

Кавгорская часовня сравнительно невелика, но производит впечатление крупного и монументального сооружения. Эта подлинная монументальность, рожденная не абсолютными размерами здания, а значитель-

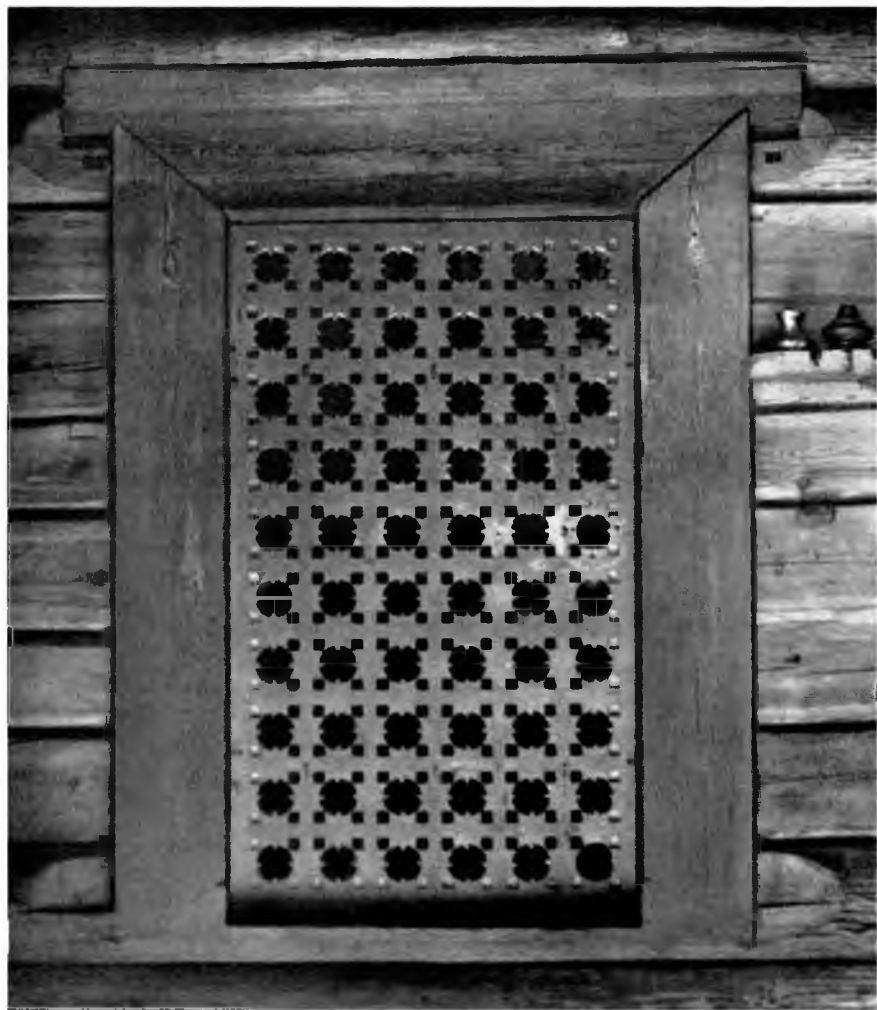
ДВЕРНАЯ РЕШЕТКА

ностью заложенной в нем архитектурно-образной идеи, устанавливает органическую связь и родство этой деревенской часовни с ее более известными и прославленными современниками — церквями в Верхней Уфтьюге, Кондопоге и другими шедеврами деревянного шатрового зодчества второй половины XVIII века.

Многое роднит кавгорскую часовню, не смотря на громадную разницу масштабов, с Успенской церковью в Кондопоге и прежде всего — ее возвышенный, героический строй. И здесь, и там обобщенный, лаконичный и в то же время стройный и изысканный силуэт шатрового восьмерик является главным архитектурным мотивом. И «висячее» крыльцо, связывающее здание с окружающей его природной средой. Одномаршевое крыльцо кавгорской часовни, широко открытое навстречу онежским ветрам, смягчает суровость здания, придает ему домовитую уютность.

* * *

Книга эта отнюдь не претендует на роль подробного курса истории русского народного зодчества. Это, если можно так сказать, введение в него, первое знакомство с ним, рассказ о наиболее интересных и характерных памятниках деревянной архитектуры. Да и примеры приводятся в основном из зодчества русского Севера. Выше уже говорилось о причинах такого выбора: во-первых, именно на Севере сохранилось больше всего типичных и высокохудожественных памятников, а во-вторых, северное зодчество при всех своих специфических особенностях являет собой верный сколок со всей русской народной деревянной архитектуры прошлых веков. Никогда не был Север отрезанным от жизни и судеб России, и тысячи неразрывных уз связывали его с политическим, экономическим и культурным бытием страны. Повгородцы осваивали обширные северные просторы, их ладьи и струги бороздили воды Онегозера, Северной Двины, Печоры. Поэтому северную деревянную архи-

**ЦЕРКОВЬ В ГОРОДЕ
ЗАШИВЕРСКЕ
(ЯКУТСКАЯ АССР)**

АЛТАРНЫЙ СРУБ

ФРАГМЕНТ СРУБА

тектуру XIV—XV веков, а в известной мере и более позднюю мы с полным правом можем рассматривать как одну из региональных школ новгородского зодчества.

В конце XV и окончательно в XVI—XVII веках северные земли входят в состав Московского государства. Вплоть до середины XVIII века Север живет напряженной, интенсивной жизнью, хотя и отдаленного, труднодоступного, но очень важного в военно-политическом, хозяйственном и культурном отношении региона Московской Руси — могущественной централизованной национальной державы Восточной Европы. Именно это время отмечено высоким взлетом архитектуры и строительства по всей России, и в частности на Севере, где и поныне сохранились выдающиеся памятники народного зодчества той поры. Патриотические идеи единства, независимости и безопасности страны, дух сильного и гордого народа в эпоху созревания и утверждения его национального самосознания пронизывают образный строй лучших из них.

Между Севером и другими областями России происходил всегда оживленный обмен культурными ценностями и архитектурно-строительным опытом. Артели заопежских, беломорских и вологодских плотников не раз работали в Москве и центральных районах России, а мастера-строители из Ростова Великого, Ярославля, Москвы — на далеких северных окраинах. Дело, однако, не в этих непосредственных связях и не в неизбежных взаимовлияниях и заимствованиях, а в том идейном, стилевом и архитектурно-конструктивном единстве, которое позволяет поставить северное народное зодчество в один ряд с другими явлениями общенационального искусства.

Образно говоря, древнерусское деревянное зодчество можно представить себе в виде книги, в которой северные «древodelы» вписали одну великолепную и, к счастью, более или менее сохранившуюся главу. Большинство других разделов утрачено;

СЕВЕРНЫЙ ПЕЙЗАЖ

остались лишь отдельные страницы и фрагменты когда-то полного, обширного повествования.

Но и по этим отрывкам можно реконструировать если не всю книгу, то во всяком случае ее дух, характер, стилистику, образный и эмоциональный лад. Они написаны тем же великолепно чистым русским языком, как и северная глава; в них та же атмосфера дерзкого новаторства и устойчивой традиционности, то же неповторимое национальное своеобразие. Книга эта создавалась не одно столетие, но писал ее один автор — русский народ. И даже фрагменты ее впечатляют столь же сильно и незабываемо, как героические былины о богатырях и гениальный эпос «Слово о полку Игореве», иконы Андрея Рублева и ростовские колокольные звоны.

«Страницы утраченных глав» рассеяны по всей России. Это церкви и избы в Ленинградской, Калининской, Новгородской областях, очень близкие к северному деревянному зодчеству, и замечательная Преображенская церковь из села Спас Вежи Костромской области — уникальный памятник народной архитектуры начала XVII века, и деревянные ярусные храмы на Ярославщине, и шатровые колокольни, часовни, церкви в Подмосковье и других районах средней полосы России и, наконец, это деревянное зодчество Поволжья и Сибири. Из одного живительного источника глубоко самобытной культуры Древней Руси берет свое начало народная деревянная архитектура Белоруссии и Украины, и где-нибудь в далеких Карпатах, на гуцульской Верховине можно встретить очаровательную сельскую церквушку, чем-то напоминающую памятники русского европейского Севера. Да только ли там?

Выше уже упоминалось об одном из самых поразительных открытий последнего времени — городе Зашиверске на Индигирке, старинной русской крепости, возникшей в первой половине XVII века за Полярным кругом, в дальних просторах сибирской

ВИДЫ

КИЖСКОГО ПОГОСТА

лесотундры, где к нашему времени сохранилась лишь церковь.

Тысячи и тысячи непроходимых верст отделяют легендарный Зашиверск от европейской России. Вокруг не Олонецкий край, не Поморье или верховья Северной Двины, а якутская лесотундра, суровая и безмолвная в длинную полярную ночь, фантастически красочная в короткое арктическое лето. А между тем перед нами — памятник народного зодчества, поразительно напоминающий уже знакомые нам церкви и часовни Московской Руси.

Ядро этой церкви — высокий и сравнительно узкий четверик, срубленный из мощных, потемневших от времени лиственных бревен. Четырехскатная крыша переходит в восьмерик, увенчанный великолепным шатром — стройным, высоким, устремленным вверх. Сохранились и чешуйчатая главка на барабане, и тонкий крест, обозначающий высшую точку постройки. Другая главка таких же строгих, изысканных очертаний стоит на тесовой бочке, покрывающей алтарный прируб. С запада к церкви пристроена обширная трапезная, а с северной и западной сторон когда-то была открытая галерея; сохранились бревна-выпуски, на которых она покоилась. Все в Спасо-Зашиверской церкви, начиная от плана, общей традиционной композиции «шатровый восьмерик на четверике с трапезной», пропорций, отношений шатра к восьмерику и четверику, главки к шатру и кончая кровлей алтарной бочки, оконными и дверными проемами, способом рубки углов и т. д., обнаруживает самое близкое, «кровное» родство с народным деревянным зодчеством европейского Севера. И разве только материал, из которого сложена церковь в Зашиверске, отличает ее от других: ни сосны, ни ели, ни осины, идущих на лемех, в тех краях нет, и потому строители пользовались местной лиственницей.

Когда мы говорим об общности архитектуры Зашиверской церкви и зодчества Московской Руси, то имеем в виду не только

внешнеформальное сходство, хотя оно тоже тут есть, не только типологическую близость, но прежде всего единство творческого метода, которое лежит в основе памятников народного зодчества и определяет их сходство даже при совершенно разных внешних признаках. Словом, все нити, из которых сплетена архитектурная ткань Зашиверской церкви, тянутся к деревянному зодчеству Московской Руси XVII века. А сама она — типичное произведение древнерусского деревянного зодчества и живое воплощение его архитектурно-строительных традиций.

Архитектура Зашиверской церкви, прекрасная, чистая и незамутненная чуждыми влияниями, — это само олицетворение эстетических идеалов древнерусского деревянного зодчества. В ней нет ни одной детали, ни единого штриха, которые бы не радовали глаз гармонической слаженностью и соразмерностью частей и целого, тонкой прорисовкой силуэта, точно найденными пропорциями и органической связью с пространственной средой. Даже в нынешнем виде — без галереи и крыльца — она не потеряла свой художественный образ и свои качества произведения большого и высокого искусства.

Самая характерная и типичная особенность древнерусского зодчества — неразрывное единство конструктивной и художественной формы — воплощена в архитектуре этой церкви с абсолютной полнотой в каждой ее части и детали, от сруба до креста. Тут нет ни одного элемента поверхностного украшения, ни одной декоративной детали, которая не несла бы конструктивно-технической функции.

И еще одна общая особенность народного зодчества: дерево здесь не только материал конструкций, но и материал архитектуры как искусства. Живописная пластика бревенчатого сруба и ритмические ряды пикообразных концов кровельного теса, гладкая поверхность шатровых граней и пасыщенное светотенью лемеховое покры-

ОБЩИЕ ВИДЫ КИЖСКОГО АНСАМБЛЯ

тие глав, разные размеры и форма оконных проемов — все это, как и многое другое, складывается в единую систему художественной выразительности. А композиционным стержнем этой системы служит контрастное противопоставление разных частей зданий не только по форме и размерам, но по-разному обработанных, с разной фактурой.

Зашиверская церковь — единственный в нашей стране памятник древнерусского деревянного зодчества, сохранивший столь полно свою подлинную архитектуру. И зодчество Севера, и архитектура Сибири — это лишь местные разновидности художественной и архитектурно-строительной культуры Московского государства. Все дело в том, что основы этой культуры, возросшей на исконных землях Московской Руси (а корни ее уходят в Киевскую Русь, Владимиро-Суздальское княжество и Великий Новгород) сохранились лишь в маленьких, порой случайных фрагментах, а ветви ее простерлись и к Заонежью, и к Архангельску, и даже в Сибирь к далекому заполярному Зашиверску.

КИЖИ

Кижы — небольшой островок: километра четыре в длину, метров двести — шестьсот в ширину. Один из тысячи шестисот пятидесяти островов Онежского озера.

Сейчас это почти пустынный остров с маленькой, всего в несколько дворов деревушкой и музеем-заповедником народной деревянной архитектуры Заонежья. А когда-то здесь было довольно крупное на северные мерки поселение: Спасский Кижский погост.

Сдержанно и скупое доносят до нас древние летописи отголоски большой и драматической истории Кижского погоста, уходящей в глубь веков.

XV век — пятьсот лет назад здесь простирались владения Великого Новгорода, так называемая Обонежская пяттина.

Потом наместников новгородских князей сменили приказные московских царей.

Кижский погост рос, набирал силы и при обретае значение большого района с десятками селений и более мелких деревень.

В начале XVII века иностранные войска занимают новгородский край, опустошают Заонежье. Были они и на Кижском погосте. Но в 1616 году московскими войсками при самой деятельной поддержке местного населения они были изгнаны из Карелии. По условиям мирного договора Западная Карелия отошла к Швеции, и граница Московского государства приблизилась почти вплотную к Кижам. Вокруг погоста возводятся оборонительные стены со сторожевыми башнями. В это время на острове стояли две большие церкви — Спаса Преображения и Покрова святой Богородицы.

Шли годы. В 1690 году от удара молнии вспыхнула и сгорела Преображенская церковь; обветшала и была разобрана Покровская. Надо было строить новые...

Начало XVIII века — знаменательное для русской истории время, эпоха кардинальных преобразований Петра I. В самом разгаре Северная война со Швецией. Россия прочно утверждалась на берегах Балтики и становилась одной из могущественнейших держав Европы. По всей России гремели салюты в честь побед в Полтавской баталии и морском сражении при Гангуте. Эти события предопределили благоприятный исход Северной войны.

Для Карелии, Поморья и Заонежья Северная война имела и свое, местное значение. Государственная граница со Швецией отодвигалась далеко на запад. Избавившись от гнетущей постоянной угрозы нападения воинственных соседей, народ вздохнул свободнее. Перед ним открылась возможность вернуться к мирному труду.

На историческом фоне этого общенационального подъема возникают на русском Севере замечательные памятники народного деревянного зодчества: Успенский собор в Кемі (1711), заложенный в честь

ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

КРЫЛЬЦО

победы под Полтавой, и Преображенская церковь в Кижях (1714), звучащая и поныне величественным гимном русскому народу.

Купола, купола, купола... Двадцать два. Разметали в стороны свои крылья стрельчатые бочки¹; на гребнях их — стройные барабаны и луковичные купола-главки, покрытые серебристой чешуей деревянной черепицы, называемой лемехом. В северные белые ночи эти купола светятся загадочным фосфорическим блеском; на закате, когда солнце медленно опускается в воды озера, они полыхают тревожным багрянцем. То голубеют, отражая небесную твердь, то тусклые, свинцовые, то замшлые, зеленые или бурые, как земля. Один ярус, другой, третий, четвертый... Все выше, выше, и в самое небо взметнулась верхняя головка с крестом, венчающая всю эту грандиозную 37-метровую пирамиду.

О строителе Преображенской церкви в народе бытует предание, будто он, закончив работу, забросил свой топор далеко в Онежское озеро и сказал: «Поставил эту церковь мастер Нестор, не было, нет и не будет такой».

Красивое, поэтическое сказание стало символом той неповторимой красоты и высочайшего мастерства, которыми народ отметил творение своего талантливового сына.

Но легенда есть легенда!

Если рассматривать наиболее типические композиции древнерусских храмов в последовательном историческом развитии, то можно поставить их в такой ряд, в начале которого встанут древнейшие, очень простые, похожие на амбарчики церковки, а в конце — грандиозная Преображенская церковь в Кижях. Между ними — звенья одной цепи, наглядно показывающие, как шаг за шагом шло развитие архитектурных форм от простого к сложному и как завершилось оно своим апофеозом — многоглавой композицией Преображенской церкви.

Была у нее и непосредственная предшественница тут же в Прионежье, на Вы-

¹ Так называется одна из форм кровли. Оба ее ската закруглены, а сверху они сходятся под острым углом напоподобие киля у лодки.

тегорском погосте — двадцатичетырехглавая Покровская церковь, построенная всего на шесть лет раньше Кижской, в 1708 году. Ее общая композиционная структура и многие архитектурные приемы не только превосходят Преображенскую, но и заставляют предполагать, что оба эти памятника созданы одними мастерами.

ГЛАВЫ

Таким образом, к началу XVIII века в русском зодчестве накопился богатый опыт, который с таким блистательным успехом был реализован в Преображенской церкви. Обилие глав и бочек, бесконечное множество прихотливо изогнутых кривых линий и поверхностей, стремительная динамичность архитектурных масс придают ей удивительную праздничность и нарядность, характерную для всего русского искусства и архитектуры рубежа XVII—XVIII веков.

Купола Преображенской церкви поначалу ошеломляют. Уже первое знакомство с Кижскими, когда подплываешь к острову, а издали кажется, что церковь стоит прямо на воде, настраивает даже самого трезвого человека на поэтический лад. Порой, особенно при восходе или заходе солнца, кажется, что эта церковь — не создание рук человеческих, а чудо природы — невиданный цветок или волшебное дерево, возросшее в этом суровом северном краю. Если обратиться к частым, но от этого не менее точным сравнениям архитектуры с застывшей музыкой, то Преображенская церковь в Кижях звучит как широкая русская песня, как торжественный героический хорал или поэтическая импровизация, рожденная в редкие минуты вдохновенного озарения, наконец, как радостный гимн во славу человека, беспредельного могущества его разума и рук.

Образный строй Преображенской церкви глубоко гуманистический. Она не гнетет человека, не подавляет его своими размерами и формами, не внушает ему сознание собственного ничтожества по сравнению с богом. Церковь грандиозна, величественна

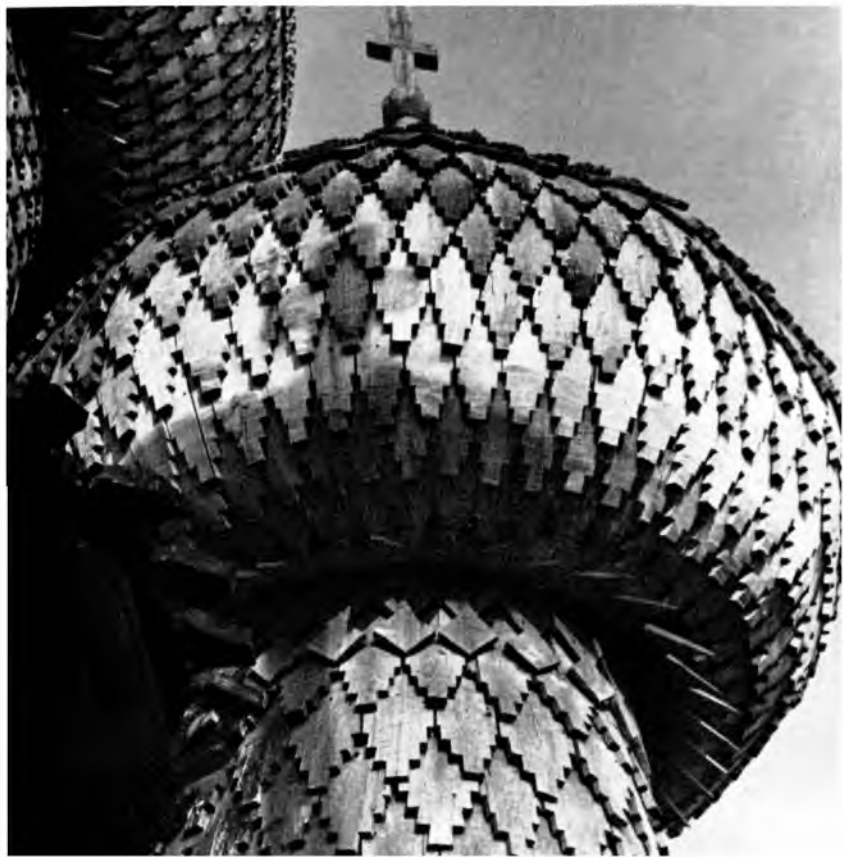

и в то же время поразительно соразмерна человеку, ибо призвана языком архитектуры выразить его гордую силу и красоту, его торжество над врагом. В ней живет дух народного творчества со свойственной ему светскостью и чисто мирской сущностью, любовью к красочности, богатству и щедрому изобилию форм. В ней есть что-то от сказочных терем-теремков и в то же время от нее веет богатырской, былинной эпичностью, простотой и непосредственностью крестьянских построек.

Чем дольше и внимательнее вглядываешься в Преображенскую церковь, постигаешь ее структуру и технику, тем сильнее поражают не феерические каскады куполов, а неумолимая логика, безупречная организованность и продуманность архитектурно-конструктивной композиции, единственный в своем роде синтез художественной импровизации и строгой, выверенной классичности всех пропорций и всех деталей, дерзкого новаторства и прочной, испытанной веками традиционности.

Несмотря на кажущуюся сложность композиции, план и объемно-пространственная схема Преображенской церкви предельно просты и ясны. В ее основании лежит так называемый двадцатистенок, т. е. восьмигранный сруб (восьмерик) с четырьмя прирубами — более низкими частями здания, органически включенными в общую композицию и примыкающими к четырем взаимноперпендикулярным граням восьмерика.

На нижнем, самом большом восьмерике стоит другой, поменьше; на нем еще один, самый маленький. Верх каждого прируба двухступенчатый, а каждый уступ покрыт бочкой с куполом. Нижний ярус из четырех глав. Над ним другой, такой же. Выше третий ярус уже из восьми глав, стоящих на бочках, которые венчают каждую грань нижнего восьмерика. Еще выше ярус из четырех глав, стоящих на среднем восьмерике, и, наконец, на верхнем восьмерике стоит одна, но самая большая гла-

ва, завершающая всю композицию. Последняя, двадцать вторая, находится ниже всех — над алтарной частью.

Двадцать две главы, и все они подчинены единству целого, законам строго выверенной архитектурной системы. Надо было обладать действительно незаурядным талантом, чтобы так спаять все элементы такого грандиозного сооружения, от которого уже нельзя ничего отнять и к которому нельзя ничего прибавить. Вся многоглавая пятиярусная композиция великолепно вписана в один четкий, нераздробленный и цельный пирамидальный объем. Преображенская церковь смотрится своеобразным и величественным скульптурным монументом, безупречным произведением пластики, словно изваянным резцом искусного мастера из одного куска дерева.

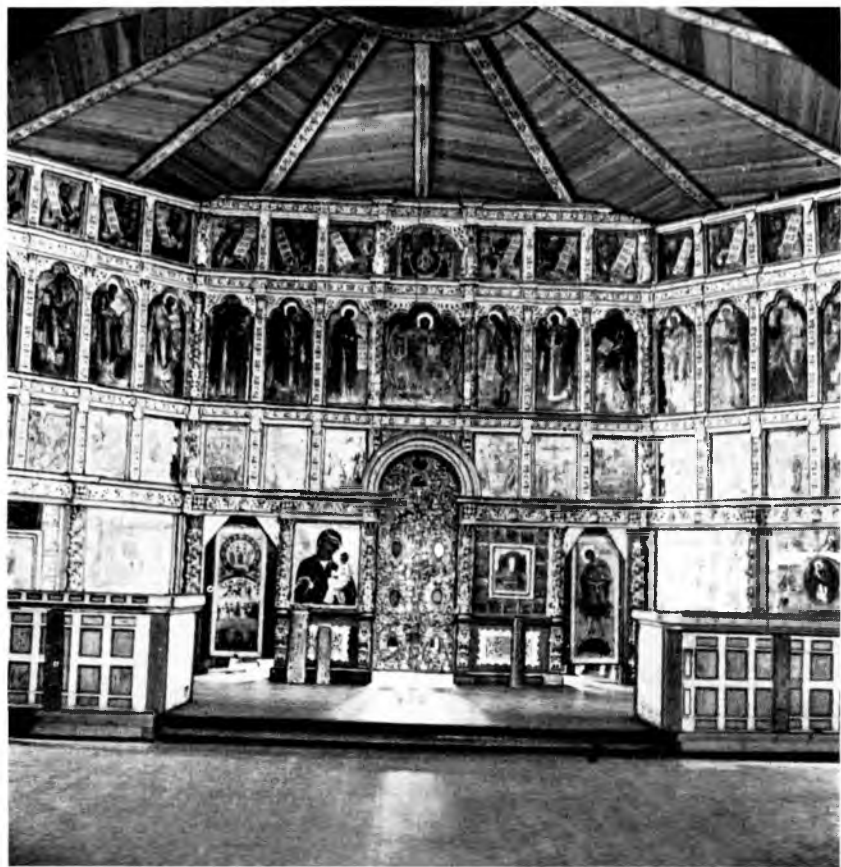
Как, какими средствами зодчим удалось избежать впечатления однообразия и повторяемости ярусов и глав? На первый взгляд, только самая верхняя, центральная глава самая большая, а все остальные воспринимаются совершенно одинаковыми. И только приглядевшись внимательнее замечаем, что главы всех четырех ярусов отличаются одна от другой и отличаются весьма существенно. Главы первого, нижнего, яруса больше главок второго: они дают как бы прочное основание всей пирамиде. Главы третьего, среднего, яруса больше всех остальных, а верхнего, четвертого, — меньше всех. Наконец, последняя, самая большая центральная глава дает завершающий композиционный акцент, отмечая высоту всего сооружения.

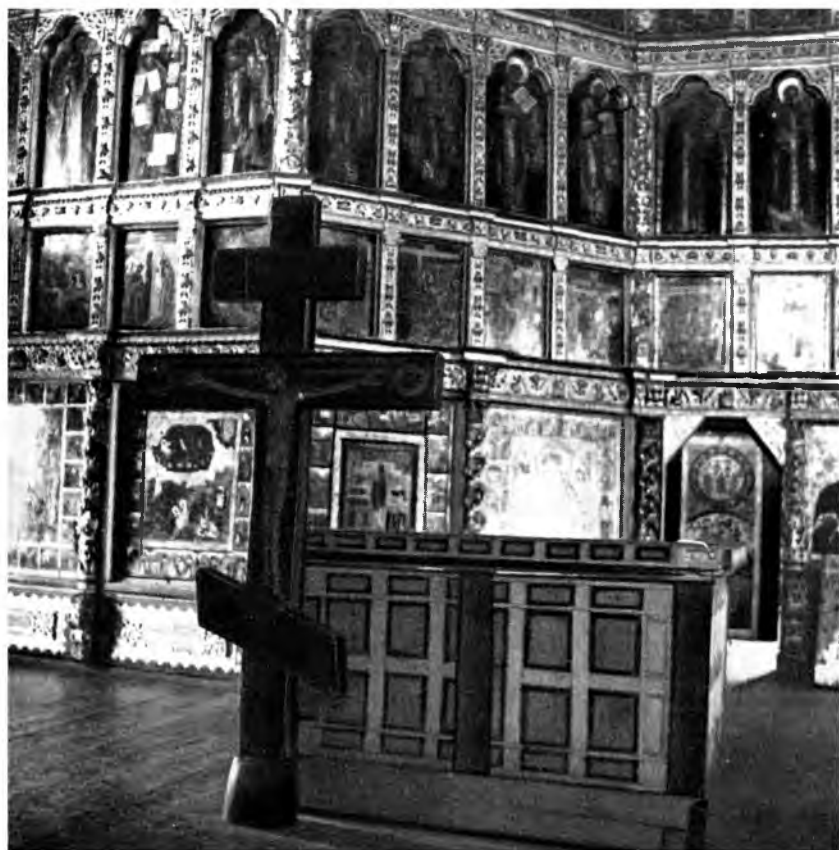
Только большой мастер, художник мог пайти эту смену объемов, такое разнообразие и живописность. Возьмите любое творение русских народных мастеров — простую детскую игрушку или расписную прялку, новгородскую икону или ту же Преображенскую церковь — в каждом из них найдете особые, лишь им присущие индивидуальные черты, несущие на себе печать творческой личности автора.

ФРАГМЕНТ ИКОНОСТАСА

«Двадцатистенный» план предопределил весьма существенную особенность архитектурного образа Преображенской церкви — центричность и высотность всей композиции. Откуда бы мы ни посмотрели на эту церковь, отовсюду она выглядит в общих чертах одинаковой или, как говорят, всефасадной. Ее «всефасадность» органически вытекает как из ее архитектурной формы, так и из идейного содержания памятника выдающемуся историческому событию. Такое решение всех аспектов архитектурного образа превратило сооружение в подлинный монумент, отвечающий величию выраженных в нем патриотических идей.

Высоко взметнулась Преображенская церковь, и ее видно за много верст от Кижей. Она то возникает на глади озера открыто, как на ладони, то появляется в кружеве редющего леса или прибрежных кустов, то неожиданно выплывает из-за какого-нибудь острова. Она царит здесь повсюду и всем своим обликом постоянно напоминает о величии человеческого духа, о его господстве над природой. Такой она была задумана, такой и дошла до наших дней. Крыльцо церкви — это своеобразная трибуна, обращенная ко всему крестьянскому миру, к озеру, погосту. Крыльцо просторное, широкое, парадное. Два лестничных марша — словно две руки, застывшие в свободном и радушном жесте, приглашающем войти каждого, кто пожелает. Нижние площадки перекрыты двухскатными кровлями, лежащими на резных столбах, а верхняя покоится на кронштейнах из мощных бревен. Вместе с лестничными маршами она покрыта общей крышей, благодаря которой все крыльцо обретает законченность и цельность композиции. В каждой детали крыльца, в каждой линии и во всем архитектурном его облике ощущается какая-то могучая древняя сила, безупречный вкус и врожденное чувство гармонии. Пятигранный портал с широкими, массивными косяками и тяжелыми дверными

«ПРАЗДНИЧНАЯ» ИКОНА

створками — вход в церковь. За ним низкая, темная, довольно непритязательная с виду галерея-сени.

Против главного входа с крыльца почти такая же дверь с порталом, ведущая в центральный восьмерик — основное помещение церкви. По контрасту с низкой и сумрачной галереей церковь выглядит светлой, высокой и приподнято торжественной.

Над головой — «небо». Так на Севере называли многогранный пирамидальный потолок, этот своеобразный внутренний шатер, неотделимый от интерьера рубленого восьмигранника. Конструктивной основой неба служит жесткий каркас, состоящий из радиально направленных наклонных балок, собранных в центре вокруг прочного замкового кольца. Треугольные просветы между ними были заполнены огромными щитами-иконами; к сожалению, эти иконы безвозвратно утрачены в годы Великой Отечественной войны и пока что они заменены простым тесом, уложенным «в елку». Но сам каркас неба и роспись балок сохранились подлинными. По белому фону выются простые и жизнерадостные орнаменты растительных мотивов: красные, желтые, синие, зеленые. Не считая центрального кольца, здесь шестнадцать балок, и нет среди них двух с одинаковым орнаментом, каждый отличен от других.

Обилием и многообразием декоративных форм и мотивов, блеском и виртуозным мастерством исполнения поражает барочный иконостас, поставленный уже позднее, во второй половине XVIII века.

И все же не это сверкающее золото иконостаса, не изысканно ювелирная, дробная резьба покоряют и волнуют в Преображенской церкви, а тесаные бревна стен, их строгая эпическая красота и жизненная правда. Массивные дверные косяки, широкие плахи пола, венцы из мощных (в обхват!) бревен, естественная, ничем не прикрытая и не приукрашенная текстура золотистого дерева, живого, трепетного,

вобравшего в себя теплоту человеческих рук и неяркого северного солнца — вот что навсегда западает в душу.

Неразрывное единство архитектурно-художественных и конструктивно-технических особенностей Преображенской церкви проступает во всем. В скульптурной пластике открытого бревенчатого сруба, в выразительности оконных и дверных проемов, прочность которых и конструктивная слитность со срубом со временем не только не ослабевает, а напротив, возрастает, в правдивой красоте и убеждающей моши крошечных, несущих крыльцо, в упругой, построенной на тонких контрастах резьбе столбов, паконец, в превосходной, можно сказать, величественной конструктивной системе «верха» церкви, одним словом, едва ли не в каждой детали.

Преображенская церковь по своему типу — это «летний» или «холодный» храм. В ней служили только в особо торжественных случаях, да и то лишь в течение короткого северного лета. Ее сруб сложен «насухо», без прокладки пазов мохом и паклей; у нее нет зимних рам и двойных дверей, утепленного пола и потолка.

Летняя церковь на погосте подобна торжественному монументу. Ее роль культового здания сведена к минимуму и подчинена идее высотного архитектурного монумента, призванного воздействовать на зрителя прежде всего силой своего художественного образа. Не случайно внутренних, «полезный» объем таких церквей, и Преображенской в частности, обычно, в несколько раз меньше их общего объема. Величественным монументом во славу родной земли и стоит уже два с половиной столетия в Кижах Преображенская церковь. Ни северные снега, ни проливные дожди, ни колючие онежские ветры не в состоянии сокрушить это создание рук человеческих, вобравшего в себя лучшие традиции русского деревянного зодчества, самые возвышенные идеалы своей эпохи и своего народа.

Что могло встать рядом с фантастическим многоглавием Преображенской? Можно ли соперничать с ней, превзойти ее? Или остается лишь подражать ей, вторить ее мелодий? А если сделать совсем другое, то как увязать оба здания в одном архитектурном ансамбле?

Строители Покровской церкви нашли достойный ответ.

Она совсем иная, чем Преображенская;образный лад ее настроен на другую высоту тона. И хотя Покровская церковь построена на полвека позднее, хотя в архитектуре ее сильнее сказывается влияние канонов официального православия, она из той же семьи выдающихся памятников прионежского народного деревянного зодчества.

Центральный восьмерик увенчан весьма своеобразным многоглавием. На каждом из восьми углов здания стоит глава; в центре девятая, самая большая; десятая главка — над алтарным прирубом. Девять верхних глав образуют поразительную по красоте ажурную корону — легкую, изысканную, пронизанную светом и воздухом, по своему торжественную, царственно величавую — словно русская красавица в шитом жемчугами уборе!

Многоглавие такого типа уникально и подобно ему нет в русской деревянной архитектуре. В Покровской церкви купола поставлены не прямо на пологую кровлю центрального объема, а на небольшие восьмерики, нижняя часть кровли которых заканчивается зубцами, похожими на перистые ожерелья. Такой прием позволил мастерам добиться яркого и оригинального художественного эффекта, неповторимой индивидуальности всего здания, приподнятой эмоциональности образного строя.

В основе Покровской церкви — четырехугольный сруб, четверик. Наверху, там, где он соединяется с поставленным на него восьмериком, он расширяется, образуя промежуточный повал, выполняющий архитектурно-конструктивную роль карниза. Таким же, вернее еще более энергичным

ИКОНОСТАС

СТОЛБЫ КРЫЛЬЦА

и плавным повалом заканчивается восьмерик. А под ним — декоративный пояс из резных треугольных фронтонов. Этот фронтонный пояс вносит в монументальное сооружение нотку интимности, теплоты и чисто русской любви к узорчатой нарядности. Такие фронтонные пояса-ожерелья, равно как и промежуточные повалы, являются приемами, характерными лишь для прионежской школы народного деревянного зодчества: в других местах они не встречаются (кстати, фронтонный пояс — не только декоративная, но и конструктивно-защитная деталь, принимающая на себя часть осадков и отводящая их в стороны).

С широким и дерзким размахом решено крыльцо Покровской церкви. Нужна была смелость большого художника, чтобы так задумать и вписать в общую композицию фасада одномаршевое асимметричное крыльцо. Эта асимметрия в сочетании с ажуром многоглавия, силуэтом повалов и фронтонным поясом придает Покровской церкви черты артистизма, непринужденности, той внутренней свободы и раскованности, которые присущи только произведениям истинного искусства.

Что же касается объемно-пространственной структуры Покровской церкви, то она принадлежит к тому традиционному и очень распространенному на Севере типу деревянного храма, который в старину назывался «восьмерик на четверике с трапезной». Это значит, что вход в церковь ведет сначала в сени, оттуда в трапезную, которая обычно была шире и больше других помещений, потом в саму церковь, где совершались службы, в алтарную часть, отделенную иконостасом. Покровская церковь образует, таким образом, в плане вытянутый прямоугольник с двумя срезанными углами.

В старинных деревянных «зимних» храмах помещение трапезной обычно превышало по площади собственно церковь в два-три раза и более. По своему назначе-

ФРАГМЕНТ ФАСАДА

нию трапезная в северных церквях была чисто гражданским, светским помещением и служила главным образом для общественных нужд населения прихода. Здесь устраивались шумные и веселые пиры, нередко разыгрывались сцены, весьма далекие от молитвенного благочестия. Трапезная служила местом крестьянского схода, на котором жители погоста и окрестных сел и деревень решали свои самые насущные и сугубо житейские, «мирские» дела. Здесь происходили судебные разбирательства, оглашались царские и воеводские указы, раскладывались и принимались налоги и подати, заключались хозяйственные и торговые сделки, выбирались должностные лица и т. п. Особенно широкое и повсеместное распространение получили трапезные с начала XVII века, когда в России очень оживилась земская деятельность и окрепло местное самоуправление. Трапезные становятся почти обязательной составной частью «зимних» церквей, делаются центрами всей общественно-демократической и экономической жизни погоста, чем-то средним между местным муниципалитетом и клубом.

Вот против этого «мирского духа» и демократического содержания трапезной в XVIII—XIX веках активно и ополчилась официальная церковь. Это гонение сказало и на архитектуре Покровской церкви в Кижах: трапезная, правда, здесь еще сохранилась, но в сильно урезанном виде — уменьшилась и ее площадь, и ее роль в общей композиции всего здания. Зато соответственно увеличилась алтарная часть. В Покровской церкви нашли свое воплощение и развитие характерные черты северной народной архитектуры: отрицание какого-либо церковного мистицизма, пафос гуманизма, прочувствованная и глубоко осмысленная соразмерность здания и человека, тяготение к красоте и тот последовательный реализм в архитектуре, который несовместим с самодовлеющим украшательством. Все основные объемы, членения и конструкции выявлены зодчим с

предельной четкостью; ничто не маскирует и не затушевывает их — язык архитектора ясен и правдив. И, наконец, любовное, уважительное отношение к дереву, понимание и использование его природной выразительности, совершенное владение им как материалом архитектуры — пластикой, объемом, фактурой, цветом.

Вот что привлекает нас в Покровской церкви на острове Кижи и позволяет видеть в ней не только достойную «младшую сестру» Преображенской, но и один из выдающихся памятников русского народного деревянного зодчества XVIII века.

* * *

Архитектурный ансамбль Кижского погоста был бы неполным без еще одного строения — шатровой колокольни, стоящей между Преображенской и Покровской церквями. Это самое позднее сооружение: построено оно уже в 1874 году.

Поставлена эта колокольня не случайно; на ее месте стояла старинная, судя по сохранившейся гравюре XVIII века, монументальная и красивая колокольня. Образы таких колоколен были когда-то созвучны героическим образам сторожевых крепостных башен. Суровые и выразительные формы шатровых колоколен-башен придавали северным погостам характер укрепленных поселений и столь типичный для них художественный облик, исполненный несокрушимой силы, самоутверждения и величия.

Хотя нынешняя колокольня и построена «по образу и подобию» своей предшественницы, но эстетическая природа ее уже совсем иная. Применительно ко второй половине XIX века нельзя было и говорить о каких-то традициях народного зодчества: их окончательно вытеснила официальная, эклектичная культовая архитектура.

И все же она ценна как неотъемлемая составная часть исторически сложившегося архитектурного ансамбля Кижского погоста и как здание, которое воспроизводит,

хотя и весьма приближенно, силуэт и общий облик старой шатровой колокольни. В этом ее главное и, пожалуй, единственное достоинство.

И, наконец, еще один элемент кижского ансамбля — ограда, опоясывающая обе церкви, колокольню и прилегающее к ним кладбище. Ограда эта состоит из венцов не слишком высокого, но крепкого и внушительного сруба, сложенного из массивных бревен. Этот сруб стены перекрыт двухскатной крышей с сильными свесами. Низкая и длинная полоса ограды эффектно контрастирует с монументальными вертикалями церквей и колокольни.

Бревенчатые ограды такого типа восходят своим прообразом к рубленным стенам древних городов, крепостей и острогов и как бы повторяют в уменьшенном масштабе их формы и конструкции; в какой-то степени они перенимали и суровый образ крепостных стен. Но погостские ограды с их сравнительно малыми размерами и миниатюрными, почти игрушечными башенками излучают гораздо больше мягкого лиризма и задушевности, чем неприступной суровости оборонительных сооружений.

Главный вход на Кижский погост расположен с западной стороны и состоит из крепких тесовых ворот и калитки, прочно сжатых с обеих сторон двумя удлиненными срубами, которые как бы вырастают из бревенчатой ограды. Оба сруба вместе с воротами покрыты общей кровлей, объединяющей весь низкий и длинный объем главного входа в единое трехчастное целое. В дни местных церковных праздников и ярмарок боковые срубы входа использовались как торговые помещения. В них прорублены вытянутые в длину проемы, служившие одновременно дверью, окном и витриной; ставни открывались вниз и образовывали нечто вроде прилавков для товара.

На северо-западном углу ограды возвышается небольшая квадратная башенка, крытая на четыре ската. Она четко и нена-

СЕВЕРНЫЙ ВХОД ОГРАДЫ ПОГОСТА

ДВЕРНАЯ РЕШЕТКА

зойливо замыкает собой западную, самую длинную и высокую стену ограды, выходящую на «главный фасад» всего погоста, и создает на этом ответственном месте важный композиционный акцент.

Северный и восточный входы значительно меньше главного и не столь суровы, как он. Точнее, это небольшие калитки с решетчатыми дверями, которые скорее приглашают войти, чем препятствуют входу. Ритмичный ажур этих резных решеток необычайно красив на фоне монументальных срубов кижских церквей, если смотреть на погост, или на фоне широких просторов озера, если смотреть из ограды.

От онежских ветров и дождей, снегов и солнца потемнели и потрескались смолистые бревна ограды; серо-зеленым мхом покрылись крыши башенок и входа. Сейчас не слишком искушенный глаз, пожалуй, и не отличит ее от древних сооружений кижского ансамбля. А между тем от старой ограды сохранился только каменный фундамент, да более чем приблизительное изображение ее на гравюре XVIII века. Не было ни точных рисунков ее, ни чертежей, ни обмеров. Однако реставратором Кижского ансамбля было найдено решение: заново воссоздать ограду, характерную и типичную для многих северных погостов, и для Кижского в том числе.

Ныне такие ограды величайшая редкость. Одна из них — на Водлозерско-Ильинском погосте — почти чудом уцелела в одном из самых отдаленных уголков Карелии. Она и была принята за образец для новой ограды в Кижях. Северная и восточная калитки точно повторяют теперь уже не существующие входы в ограду Почозерского погоста, а угловая башенка повторяет башню ограды Ошевеневского погоста в Архангельской области. И несмотря на то что отдельные элементы заимствованы из различных сооружений, их удалось слить в очень сильный и внутренне единый архитектурно-художественный образ. Точно

такой ограды вокруг Кижского погоста не было, но именно такая могла быть. Ибо в пей снова воплотились вековые традиции древнерусского деревянного зодчества, и это воплощение правдиво и убедительно, без фальши или поверхностной стилизации.

Планировка Кижского погоста на первый взгляд может показаться случайной; в ней нет ясно и определенно выраженной геометрической схемы, математически строгого равновесия. Но чем больше всматриваешься в этот ансамбль, чем глубже вникаешь в него, тем больше убеждаешься, что ни одно здание нельзя передвинуть даже на два-три метра ни вправо, ни влево, увеличить или уменьшить его высоту или объем. Композиция полна редкостной свободы и непринужденной асимметрии, столь характерной для творений высокой артистичности. И в то же время она пронизана скрытой от простого глаза, но неумолимой железной закономерностью, очень точным и тонким расчетом талантливых зодчих.

Ни одно здание не мешает другим, не «забивает», но и не повторяет их. Все они четко и ясно просматриваются со всех сторон по отдельности и вместе. И каждое из них тонко и ненавязчиво подчеркивает и оттеняет своеобразие других.

Хотя вертикаль колокольни и стоит между церквями, но смысловой, идейно-содержательный и эмоциональный центр ансамбля — самая ранняя по времени Преображенская церковь. Она определила его образный характер, праздничное, возвышенно патетическое звучание. Остальные сооружения подхватили этот лейтмотив и развили его в богато оркестрованную полифонию.

Бесконечное множество самых разнообразных перспектив и ракурсов возникает перед нами, когда идем вокруг погоста или плывем вдоль берегов острова. Силуэты церквей и колокольни то накладываются друг на друга, образуя какие-то новые причудливые очертания, то разделяются и

рисуются на фоне неба четко и определенно, то сближаются, то отдаляются. Главный фасад погоста обращен к западному берегу острова; здесь находятся пристань, главный вход ограды и широкие входы церковных крылец. Отсюда композиция ансамбля, связи между его частями и компонентами просматриваются с наибольшей ясностью и полнотой.

Идут годы, но не блекнет, не тускнеет красота кижских церквей. Более того, в наших глазах она расцветает, наполняется новым содержанием и новыми жизненными силами, обогащается все новыми гранями и оттенками. Собственно только сейчас, в наши дни, кижским церквам — этому бессмертному творению русских зодчих — возвращено их истинное, изначальное назначение: языком архитектуры утверждать величие и могущество человека, славу родного народа, отстаившего свою свободу и независимость, его замечательную одаренность и незыблемую веру в конечное торжество добра, правды и красоты.

Заключение

Еще несколько десятилетий назад, в XIX веке, народное деревянное зодчество — даже лучшие церкви и соборы, не говоря уже о гражданской, жилой архитектуре, — вообще не рассматривалось как явление большого искусства. Те сооружения, которые сейчас стали для нас замечательными памятниками национального искусства, находились тогда в ведении официальной церкви, менее всего обеспокоенной исторической ценностью и сохранностью этих бедных, отдаленных приходских храмов. В атмосфере безразличия правящих кругов царской России к достоянию народного искусства глохли прозорливые слова и призывы выдающихся деятелей передовой русской культуры. Еще в свое время Виссарион Белинский писал, что знаменитые события нашей истории записаны не только на сухих страницах летописей, они переданы памяти потомства в произведениях искусства, они рассеяны всюду, особенно в старинных городах наших, но не всякий хочет замечать их. Но одним этим памятникам можно было бы прочесть в главных очерках историю Руси.

Перелом наметился в конце XIX — начале XX века, когда в русском обществе определился обостренный интерес к национальной культуре — поэтическому и музыкальному фольклору, древней иконе, крестьянскому прикладному искусству, памятникам старинного зодчества. Немало способствовали пробуждению его такие художники и ученые, как Виктор и Аполлинарий Васнецовы, В. Поленов, А. Рябушкин, И. Остроухов, И. Грабарь, И. Кондаков, Д. Айналов, И. Рерих, М. Нестеров, И. Билибин и др. В то время лучшие художники обращались к иной Руси — свободной, могучей, кристально чистой в своих душевных помыслах и нравственно эстетических идеалах. В пей искали они источник внутренней силы родного народа, сумевшего в долгие века угнетения и бесправия сберечь честь и достоинство, веру в будущее, цельность и богатство своей национальной

ЦЕРКОВЬ В СОЛОВКАХ

культуры. Но в тех крайне неблагоприятных условиях даже искренняя, горячая заинтересованность художников и ученых в научном изучении и сохранении памятников старины, и в частности народного деревянного зодчества, лишенная какой-либо государственной поддержки, не могла дать ощутимых результатов.

Коренной перелом стал возможен только после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

«Граждане, не трогайте ни одного камня, охраняйте памятники, здания... — все это ваша история, ваша гордость. Помните, что все это почва, на которой вырастает новое народное искусство»¹. Этот взволнованный призыв взят из листовки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, написанной Максимом Горьким, выпущенной и распространенной уже в марте 1917 г.

Владимир Ильич Ленин говорил о бережном и творческом отношении к культурному наследию прошлого как об одном из самых важных и основных условий создания новой социалистической культуры. Великий вождь пролетарской революции не раз указывал, что марксизм «усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры»² и что новую культуру можно строить только на прочной основе глубокого познания и переработки культуры, созданной всем развитием человечества.

Охрана памятников искусства и старины в Советском Союзе является государственной политикой. Все наиболее ценные и значительные произведения взяты на учет и под государственную охрану. Несколько лет назад во всех союзных республиках были созданы массовые добровольные общества охраны памятников истории и искусства; членами их стали сотни и тысячи граждан и учреждений. Они проводят громадную работу — бережно сохраняют уже известные памятники, находят неизвест-

¹ «Известия Петроградского Совета рабочих депутатов» от 8 марта 1917 г.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41. с. 337.

**ПРОМЫСЛОВО-ОХОТНИЧИЙ
СТАН В УРОЧИЩЕ
ХРИСТИАНВАРАК
(КАРЕЛЬСКАЯ АССР)**

ные ранее, сигнализируют об опасности, грозящей им, хотя было и еще остается немало нерешенных проблем.

Середина и вторая половина XX века — периода невиданного развития и широчайшего наступления технического прогресса — поставили перед нами серьезнейшие вопросы. Как уберечь и сохранить сегодня хрупкие, недолговечные, ныне уже практически бесполезные памятники деревянного зодчества — церкви и часовни, колокольни и избы, мельницы и амбары? Уберечь от огня и воды, разрушительных сил природы и равнодушия людей, глухих к языку большого искусства... Этот вопрос волнует сейчас специалистов и всех любителей прекрасного во многих и многих странах мира.

Советскими учеными и архитекторами разработана строгая система научной реставрации и консервации памятников архитектуры. Освобождение памятника от всего чуждого ему и восстановление утрат, включающее конструктивно-техническое укрепление здания, воссоздание чистоты архитектурного образа, извлечение подлинно народной основы из шелухи и накипи позднейших наслоений, стремление вдохнуть в эти памятники вторую жизнь и продлить ее — вот исходные позиции этой системы. Главную и основную задачу реставрации памятников архитектуры советские ученые видят в раскрытии их пока еще скрытых идейно-художественных потенциалов, восстановлении их подлинных архитектурных образов! Именно образов, а не обездушенных обликов, под которыми в реставрации чаще всего подразумевается лишь отвлеченная архитектурная форма, а не воплощенное в ней идейно-художественное содержание, эстетические идеалы тех или иных слоев общества и дух эпохи, национальное своеобразие и архитектурный строй, система художественного мировоззрения и творческий метод.

Возьмем, к примеру, уже известный нам ансамбль кижских церквей.

Во второй половине XIX века местные купцы и духовенство одели Преображенскую церковь в модный тогда наряд тесовой обшивки, окрашенный в яркий желтый цвет, деревянные кровли заменили жестяными — холодными и безжизненными. И сразу умолкла чудесная «песня дерева» — извечная, трепетная, волнующая. Начисто пропала скульптурная пластика и красота бревенчатого сруба, исчезла живописная прелесть чешуйчатых глав. Удивительное, неповторимое создание онежских зодчих сразу же потеряло свой подлинный образ и стало похожим на заурядные деревянные церкви позднейших времен.

Небольшие окна растесываются и увеличиваются, а из-за этого слабеет прочность всего сруба. На крыльце появляются уродливые балюсы, как на балконах пригородных дач. Внутри стены также прячутся под мертвящий покров тесовой обшивки, которая должна была «изображать» камень. По всему низу размалевывается «мраморная» панель, а верх закрашивают белилами «под штукатурку». На углы ставят «ампирные» пилястры, гладкие стены украшают «античной» архитектурой, приставными и нарисованными деталями. На массивные, богатырские плахи пола кладется новый настил из узких досок, окрашенный под паркет. Вскоре церковь оказалась буквально набитой штампованными из жести подсвечниками с фаянсовыми свечами и искусственными цветочками, кютами, сверкающими мишурной позолотой, дешевыми иконами в пышных окладах с зеркальными стеклами, латунными хоругвями и парчевыми балдахинами. Вся эта бутафория блеснула и кричала яркими, назойливыми красками.

Не намного счастливее оказалась судьба Покровской церкви. Ее тоже обшили тесом и при этом она лишилась крыльца, фронтонного пояса и многих других деталей. Правда, лемеховое покрытие глав уцелело, но зато внутри уничтожили стену с порталом; оба помещения объединили в одно, предназначенное только для церковных

служб, — трапезную упразднили. Стоявшую по традиции в трапезной русскую печь разобрали и вместо нее поставили две городские голландки, облицованные гофрированной жстью. Бревенчатые стены и потолки покрыли штукатуркой, а окна растесали и выровняли в одну линию. На потолках появились лепные карнизы и круглые розетки для дешевенских люстр; на стенах — все те же «мраморные» панели и «гранитные» цоколи. Старинный иконостас заменяется бесталанной поделкой, раскрашенной голубой, зеленой и синей красками, золоченым и серебряным багетом.

Так пропал подлинный образ древних деревянных церквей, бесконечно правдивый и реалистический, проникнутый духом национальной культуры и самобытности. Тесовая обшивка, как это выяснилось теперь, нанесла самый значительный и ощутимый урон сохранности памятников, ибо она нарушила проверенную веками систему естественного проветривания и просушивания всех частей деревянных зданий. Между обшивкой и срубом возникла крайне нездоровая прослойка, насыщенная влагой, продуктами гниения и всякого рода вредными микроорганизмами. Жестяные кровли и гвозди ржавели, все разрушалось, и дождевые струи уже не стекали по начертанному для них пути и попадали внутрь.

В таком искаженном, обезображенном виде кижские церкви простояли много лет. Значительный урон был нанесен им и в годы Великой Отечественной войны. Капитальная реставрация всего кижского ансамбля была проведена в 1950-х годах. Эти годы стали временем второго рождения шедевров русского народного зодчества. Исходным, определяющим моментом явилась идея о кижских церквях как о памятниках народного, демократического направления в русской художественной культуре. В соответствии с этим и определялась научно разработанная методика реставрационных работ.

Возможно, что не все найденные реставратором решения в одинаковой мере бесспорны, но главная цель была достигнута: замечательный ансамбль Кижского погоста — от общей композиции и до мельчайших деталей — восстановлен, освобожден от позднейших, чуждых ему наслоений, искажавших и уродовавших его исторически сложившийся художественный образ. В тех отдельных случаях, когда по каким-либо причинам не было возможности археологически точно восстановить тот или иной элемент здания и ансамбля, реставратор исходил из задачи воссоздания не «буквы», но «духа» архитектурно-художественного образа.

Спустя два с половиной столетия архитектор-реставратор и его надежные помощники — заонежские плотники, хранящие в наш бурный век дедовские секреты высокого плотницкого искусства, по существу, повторили трудовой подвиг строителей кижских церквей. Достаточно сказать, что только для покрытия Преображенской церкви было заново изготовлено более тридцати тысяч лемешин — и все вручную, одним только топором! А когда заменяли нижние венцы в срубах, то эти мастера с помощью нескольких ручных домкратов поднимали многотонные махины церквей высотой в десятиэтажный дом.

Кижь вновь обрела жизнь. Они возрождены в новом качестве, ибо сейчас это не погост Обонежской пятины, не пограничное укрепление и не захолустный церковный приход, а выдающийся по красоте, исторической и художественной ценности памятник русского деревянного народного зодчества, место паломничества десятков тысяч советских и иностранных туристов.

Ансамбль кижских церквей ныне не одинок: он послужил тем естественным центром, вокруг которого в последние годы на острове вырос замечательный музей под открытым небом — заповедник северного народного деревянного зодчества.

Еще несколько лет назад, подъезжая к Кижам, мы видели только силуэты колокольни, Преображенской и Покровской церквей. А сейчас Кижы открываются нам стройными очертаниями старинной часовни, поставленной на самой оконечности острова, там, где он узким мысом врзается в озеро. Она возвышается словно маяк или памятник-обелиск, покоряющий гармонией и чистотой линий. Часовня встречает нас, когда подплываем к Кижам, и провожает, когда покидаем их. И еще долго-долго, пока остров совсем не скроется из глаз, трудно оторваться от ее легкого, стремительного силуэта...

Трудно было найти более подходящее и удачное место для музея-заповедника деревянной архитектуры. Уже только Преображенской и Покровской церквей, этих драгоценных жемчужин русского искусства, обрамленных чудесной оправой из других памятников народного зодчества, разбросанных по окрестным берегам, было бы достаточно. Сам Кижский остров не очень большой, но достаточно просторный, с умеренно пологим и весьма разнообразным рельефом представляет почти идеальную экспозиционную площадь, на которой памятники деревянного зодчества «живут» в привычных, типических для них природных условиях. Вокруг них — те же густые заонежские леса, гладь озера, прибрежные кусты, валуны, а над ними — то же небо, полыхающее поразительными красками северных восходов и закатов.

Церкви и часовни, избы и амбары, мельницы и риги, собранные вместе, не только не мешают друг другу, но, наоборот, подчеркивают и оттеняют особенности и индивидуальное своеобразие каждого памятника. В то же время, выражая те или иные черты национальной русской архитектуры, они в своей совокупности воссоздают цельную и яркую ее картину, образуют единый архитектурный комплекс. Именно в этой комплексности, без которой невозможно

достаточно полное и правильное представление о предмете, и заключен основной принцип создания музея-заповедника под открытым небом.

И еще одно. Памятники деревянной архитектуры Карелии и русского Севера, перевезенные в Кижы, помогают в известной мере восстановить, реконструировать ту обстановку, в которой возникли и существовали многие годы главные, основные «экспонаты» музея — Преображенская и Покровская церкви. Не надо только забывать, что Кижы не всегда были тем пустынным, малонаселенным островом, как несколько последних десятилетий. Когда-то это был большой, оживленный центр Заонежья; стало быть и двести лет назад кижские церкви не стояли в том печальном одиночестве, в коем мы привыкли их видеть до последнего времени.

Сейчас в Кижях собрало около двух десятков прекрасных по своим художественным достоинствам памятников народного деревянного зодчества, перенесенных сюда преимущественно из деревень Заонежья и смежных с ним районов южной Карелии. Среди них — уже известные нам часовни из Леликозера и Кавгоры, древнейшая Лазаревская церковка из бывшего Муромского монастыря, четыре больших жилых дома с крытыми дворами, ветряная и водяная мельницы, два амбара и рига и др. Все это подлинные памятники старинной деревянной архитектуры. Не все они равноценны по своим достоинствам, да и построены они в разное время, но каждый из них по-своему очень типичен и характерен для северного крестьянского зодчества. В своей совокупности они уже сейчас, а надо сказать, что комплектование Кижского музея еще не окончено, дают нам довольно полное и многогранное представление о русской пародной деревянной архитектуре.

В сферу музейной экспозиции включено несколько произведений народного зодчества, которые находятся вблизи Кижского

острова и сохраняются на своих исконных местах, среди сложившегося архитектурного и природного окружения, необычайно живописного и поэтического. Это часовни в деревнях Корба, Волкостров, Воробьи, Подъельники, Васильево и Усть-Яндома.

Конечно, если подходить к оценкам подобных музеев с позиций приверженцев «нетронутой, естественной красоты», то возражения неизбежны. Действительно, почти каждый памятник, перенесенный на новое место, в той или иной мере теряет свое подлинное природное и архитектурное окружение, теряет какую-то часть своей исторической ценности, правдивости и обаяния, а значит какую-то долю самого себя.

Насколько велика такая утрата, знает, пожалуй, каждый, кто видел, как прячется в лесу охотничья избушка и как царит над широкой округой горделивый монумент шатрового храма; как утопает в тепи густых елей уединенная часовенка и как тянутся к открытым просторам, поближе к свету и воде, избы, бани и амбары; как неповторимо и своеобразно место каждой постройки, какой бы она ни была.

Но как бы ни велика была потеря подлинной среды памятника, она никогда не может быть больше потери самого памятника. Эта простейшая формула однозначно решает вопрос в пользу музеев, ибо теперь дилемма такова: либо пытаться сохранить памятники на их родных местах, постоянно рискуя лишиться их вовсе, либо лучшие из них переносить в музеи. Поэтому идея таких архитектурных заповедников в последние десятилетия стала особенно популярна как в Советском Союзе, так и во многих странах Европы и Америки.

Музеи под открытым небом, где здания взаимосвязаны между собой и с окружающей их природой, а также со всеми орудиями производства, предметами хозяйства и быта, произведениями прикладного народного искусства, являются одной из наиболее эффективных форм сохранения

МОСТ У ДЕРЕВНИ
МАЛЫЙ ХАЛУЙ
(АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛ.)

и популяризации культурного наследия прошлого. В мировой практике архитектурные музеи получили очень широкое распространение. Воплотившись впервые в быне всемирно известном шведском музее Скансен (Стокгольм), эта идея с успехом прошла длительное испытание временем и теперь с успехом реализуется во множестве стран Европы, Америки, Азии и Африки.

Немало таких музеев и в Советском Союзе. Помимо наиболее популярного Кижского музея-заповедника северного деревянного зодчества надо назвать старейший в стране музей в селе Коломенском под Москвой, республиканские музеи в Латвии (Баложь) и Эстонии (Рок аль Марэ), областной музей в Костроме. В стадии формирования находятся музеи в Архангельской, Вологодской, Новгородской, Горьковской, Ленинградской, Владимирской и других областях Российской Федерации, Литовской и Молдавской союзных республиках, во Львове, Киеве и ряде других мест страны.

В Коломенском, которое когда-то было селом, удаленным от города, а ныне оказавшимся в зоне Большой Москвы, находится один из шедевров русского каменного зодчества — знаменитая Вознесенская шатровая церковь XVI века, а также ряд очень интересных и значительных каменных построек XVII века. В 20—30-х годах сюда были перенесены несколько первоклассных памятников деревянной архитектуры — надвратная башня ограды Николо-Карельского монастыря (1630), находившаяся ранее на берегу Белого моря, домик Петра I из Архангельска (1702), медоварня из подмосковного села Преображенское и некоторые другие. Уже сравнительно недавно, в 1958 году, из далекой Сибири в Коломенское привезли и установили угловую башню Братского острога — уникальный памятник русского деревянного оборонного зодчества.

Один из самых интересных музеев народной архитектуры находится в Костроме.

Расположен он на месте впадения реки Костромы в Волгу, в непосредственном соседстве с уже существовавшим ансамблем русского каменного зодчества XVI—XVII веков — Ипатьевским монастырем. Тут и своеобразные деревенские баньки и амбарчики, стоящие на высоких столбах-сваях (целые деревни, расположенные в пойме реки Костромы, строились на сваях и как бы висели в воздухе; их так и называли «висячими»), и очень оригинальная деревянная церковь из села Спас-Вежи — тоже на сваях, ярусная церковь XVIII века из села Холм, избы, ветряные мельницы и т. д.

* * *

Деревянное народное зодчество для нас не просто драгоценное наследие, не «мертвый капитал», а один из животворных источников развития современной архитектуры.

Нет сомнения, что всякая, даже весьма искусная стилизация «под старину» и эпигонское подражание внешним формам заранее обречены на неудачу: это уже не творчество. Слишком велика дистанция между созданиями деревенских плотников и произведениями современной архитектуры бетона, стекла и алюминия, гигантской строительной индустрии, преобразующей ныне облик земли.

Суть, конечно, не в бесплодном подражательстве, а в творческом освоении самого духа русского деревянного зодчества, его глубинной основы и веками накопленного опыта народа.

Мудрая простота и ясность архитектурных композиций и форм, практическая, функциональная оправданность всех деталей и приемов, органическое единство художественного и конструктивного начал, подлинная монументальность, достигаемая за счет не величины сооружения или обилия украшений, а высокой гражданственности и патриотической идеи, воплощенной в нем, последовательный реализм, полное слияние архитектуры и природы, наконец, та человечность, гуманизм, которые так

волнуют нас при встрече с каждым произведением истинного искусства, — вот чему учит нас история русского деревянного зодчества. Это не временные, преходящие, но вечные и неизменные принципы архитектурного искусства.

Современные архитекторы могут многому научиться и, действительно, учатся у своих предшественников, в том числе и у крестьянских строителей.

Трудная, но завидная доля выпала памятникам русской народной деревянной архитектуры. Разрушающий бег времени, огни пожарищ и вражеские нашествия уничтожили десятки и сотни замечательных сооружений. Позднее многие из уцелевших варварски уродовались и искажались. Стерлись в памяти поколений имена их творцов — великих русских зодчих с плотницкими топорами.

И все же народное зодчество выдержало все, выстояло, сбереглось, ибо нельзя уничтожить душу народа, его песни и историю. Они живут в эпическом напеве древних былин и плаче Ярославны, удивительных ликах икон и росписей Феофана Грека и Андрея Рублева, в белокаменных соборах Владимиро-Суздальской Руси и колокольном звоне Ростовского кремля, сказочном великолепии киевского Преображения и богатырском величии Успенской церкви в Кондопоге. В старину русский человек не представлял себе Родины без золотистой рубленой избы, сторожевой башни под шатром, «чудного и дивного» храма. Радость и счастье в доме он связывал со светлым и красивым жилищем, безопасность и воинскую доблесть — с несокрушимыми башнями крепостных стен, идеал красоты и величия духа — с глубокой человечностью и монументальностью архитектурных памятников. Душа народа — в этих строениях, созданных простыми русскими крестьянами, она и в задумчивом говоре листьев над скромной могилой Александра Пушкина в Тригорском монастыре под Псковом, тенистых

дубравах Ясной Поляны, неповторимых мелодиях Рахманинова и Прокофьева, томике чеховских рассказов и лирике Есенина. Это все звенья одной цепи, и ни одно из них не может быть изъято или навсегда потеряно.

СОДЕРЖАНИЕ

5 КРАЙ СЕВЕРНЫЙ, ЛЕСНОЙ

21 СЕВЕРНАЯ ДЕРЕВНЯ

95 ЩИТ РОДИНЫ

115 КОЛОКОЛЬНЫЕ ЗВОНЫ

239 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

**АЛЕКСАНДР
ВИКТОРОВИЧ
ОПОЛОВНИКОВ**

РУССКИЙ СЕВЕР

Редакция литературы
по градостроительству
и архитектуре
Зав. редакцией
Т. Н. Федорова
Редактор
М. Д. Емельянова
Мл. редактор
М. А. Тугова
Внешнее оформление
художника *Ю. И. Смурыгина*
Технический редактор
Н. Г. Бочкова
Корректоры *В. И. Галюзова,*
Е. А. Степанова

ИБ № 1553

Сдано в набор 19/VI 1975 г.
Подписано к печати 3/X 1977 г.
Т-18115. Формат 70 × 108¹/₃₂.
Бумага мелованная.
11,2 усл. печ. л. (уч.-изд.
11,75 л.). Тираж 80 000 экз.
Изд. № АХV-5059. Зак. № 9376.
Цена 95 коп.

Стройиздат
103006, Москва,
Каляевская, 23а

Ордена Трудового Красного
Знамени ленинградская
типография № 3
им. Ивана Федорова
Союзполиграфпрома
при Государственном комитете
Совета Министров СССР
по делам издательств,
полиграфии и книжной
торговли.
196126, Ленинград,
Звенигородская, 11.

Цена 95 коп.

